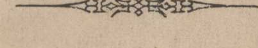
МАЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ,

ПО СПИСКУ XVI ВѢКА.

ТЕКСТЪ И ПРИМѢЧАНІЯ.

А. Потебни.

Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ».



ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. И. Исаева.
1877.

Л. В. Гамеру

въ знакъ уваженія

А. [illegible]

МАЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ,

ПО СПИСКУ XVI ВѢКА.

ТЕКСТЪ И ПРИМѢЧАНІЯ.

А. Потебни.

Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. И. Исаева.
1877.

МАЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ,

по списку XVI в.

Текстъ и примѣчанія.

I. Йиречекъ, извѣстный авторъ „Исторіи народа Болгарскаго“ и мн. др., въ краткомъ отчетѣ о 2 и 3 вып. I-го т. „Архива“ Ягича (Čas. M. Kr. Č. 1876), по поводу статьи самого проф. Ягича „Дунавъ—Дунай въ Славянской народной поэзіи“, напоминаетъ о томъ, что, сколько извѣстно, до сихъ поръ никто необратилъ вниманія на единственный въ своемъ родѣ памятникъ Русскаго языка и народной словесности. Двадцать лѣтъ тому напечатана „Jana Blahoslawa Grammatika Česká“ (Wydali Ign. Hradil a Josef Jireček. We Wídni. 1857), оконченная въ 1571 г. и изданная по рукописи XVI в., гдѣ (стр. 341), какъ образецъ „Словенскаго“ нарѣчія, приведена нижеслѣдующая пѣсня, вѣроятно—изъ Заднѣстровья.

Píseň słowenská od Benátek, kdež hojně jest Słowáků neb Charwatů, přinesená od Nikodema *).

---

*) «Словенская пѣсня изъ Венеціи, гдѣ много Словаковъ или Хорватовъ, принесенная Никодимомъ» (Вацетинскимъ).

Нѣкоторые, говоритъ Влагославъ, выраженіе «Словенская рѣчь» принимаютъ за общее и согласно съ этимъ «Словенскій языкъ» дѣлятъ на Чеховъ, Поляковъ, Хорватовъ, Русь и проч. (340). По мнѣнію самого Благослава, вотъ «важнѣйшіе діалекты въ нашемъ языкѣ:

Первая и главная—рѣчь Чешская, къ коей принадлежатъ Моравляне и отчасти Слезаки.

Вторая—Словенская, къ коей примыкаетъ способъ говорить различныхъ Хорватовъ отъ Угорской земли въ Константинополю

Dunaju, Dunaju, čemu smuten tečeš?
Na werši [1]) Dunaju try roty tu stojŭ,
Perwša rota Turecká,
Druhá rota Tatarská,
Treta rota Wołoská,
W tureckým rotě šablami šermujú,
W tatarským rotě strylkami strýlajŭ,
Woloským rotě Štefan wyjwoda.
W Štefanowy rotě dywoňka płačet,
I płačuci powídała: Štefane, Štefane,
Štefan wyjwoda, albo mě pŭjmi, albo **me líši,**
A što mi rečet Štefan wyjwoda?
Krásná dywonice, pŭjmił bych tě dywoňko,
Nerownáj mi jes, líšił bych tě, milenka mi jes.
Što mi **rekła** dywonka: **Pusty** mne **Štefane,**
Skoču já w Dunaj, w Dunaj **hłuboký,**
Ach kdo mne **dopłynet'**, jeho **já budu.**
Něchto mě dopłynuł krasnu dywoňku.
Dopłynuł, dywoňko, Štefan wojwoda,
I wzal dywoňku zabił [2]) ji u ručku:
Dywoňko, dušenko, milenka mi budeš.
Amen.

Въ слѣдующемъ чтеніи мои поправки отмѣчены **особымъ** шрифтомъ; *и*=среднее Мр.; *і*=Вр. *и*; *ѣ*=h.

1) Дунаю, Дунаю, чему смутен течеш?
На версі Дунаю три роти ту стоя:
Перша рота Турецка,
Друга рота Татарска,

и оттуда къ Венеціи, частью даже за Средиземнымъ моремъ въ Африкѣ.

Третья рѣчь—Польская, къ коей отчасти можетъ быть причтена рѣчь Силезская, потомъ—Русская, Мазовецкая, Московская и нѣкоторая часть Татаръ (337).

Впрочемъ Благославъ знаетъ, что Словенскій діалектъ, въ его смыслѣ, не представляетъ полнаго единства (341).

[1]) Na břěhu.

[2]) Ujał.

Трета рота Волоска.
В Турецкий мі роті шаблями шермую,
В Татарский мі роті стрилками стриляю,
В Волоский мі роті Штефан воєвода,
В Штефановий роті [a v. та] дивонька плачет,
[А v. та дивонька плачет] и плачучи повідала: [3]
„Штефане, Штефане, Штефан воєвода!
„Альбо ме пуйми, альбо ме *лиши*!“
А што мі речет Штефан воєвода?
„Красна дивонице, пуймил бих те, дивонько,
„[Пуймил бих те дивонько], неровная [4]) мі єс,
„*Лишил* бих те [цивонько], миленька мі єс“.
Што мі рекла дивонька? „Пусти м'не Штефане,
„Скочу я *у* Дунай, *у* Дунай глубокий,
„*А хто* м'не доплинет, єго я буду“.
Не хто мі доплинул красну дивоньку,
Доплинул дивоньку Штефан воєвода,
І взял дивоньку за білую ручку:
„Дивонько, душенько, миленька мі будеш“.

ПРИМѢЧАНІЯ:

I. Относительно языка.

—е. *čеmu* съ *е* могло въ XVI в. быть и тамъ, гдѣ теперь чому. *jeho*, а не *joho* еще и теперь во многихъ мѣстностяхъ Галиціи и Буковины. См. напр. Žeg. Pauli I, 85; Голов. Пѣсни въ Чт. 1876. I, 547.

—*и*. try, pusty какъ будьто указываютъ на мр. среднее *и*, которое въ это время уже существовало. Поэтому я рѣшаюсь поставить это *и* и въ šablam*i*, strylkam*i*, pûjm*i*, l*i*ši, pûjm*i*ł, líš*i*ł, milenka. Болѣе всего возможно сомнѣніе относительно мі (вм. ожидаемаго ми), ибо при

[3]) Быть можетъ «й плачучи повида» v. «повидат» (какъ напр. у Лемковъ).

[4]) Или «неровня».

дат. *мі*, *ті*, повидимому, встрѣчается и *ми* со средн. *и* (Žeg. Pauli II, 20—1, гдѣ дат. my и mi, ti). Въ Буковинѣ м*и*, ти (дат.), однако, если это не ошибка, и мі (Купчанко, П. Буков. нар. во 2-мъ т. Зап. Ю. З. отд. Геогр. Об. 419). Ср. въ Вост. Мр. оконч. дат. ед.—ові вм. ожидаемаго—ов*и*.

—о. На основаніи «w štefanow*y* rotě», читаю—*ий* (изъ ôй) вм. у въ ст. 6—8. На такое же измѣненіе указываетъ wyjwoda (3) при wojwoda; однако во всѣхъ четырехъ случаяхъ ради размѣра предпочитаю обычное и нынѣ воєвода.

Půjmi, půjmił могутъ быть не чехизмы, такъ какъ не-говоря уже о нынѣшнихъ Мр. *у*, уо изъ *о*, эти или близкіе къ нимъ звуки могли быть въ XVI вѣкѣ слышны въ бóльшемъ числѣ югозападныхъ Мр. говоровъ, чѣмъ теперь.

—ѣ. Вм. осн. *ѣ* стоятъ: а) ě: w rotě, 3, что сомнительно въ виду конечнаго і въ «na werši; б) і, í: na werši, powídała, zabił ji u (очевидно непонятое и искаженное вм. za biłuju); в) у, ý: strylkami, strýlaju и 8 разъ въ dywońka и проч.; р*и* изъ р*ѣ* вѣроятно, но д*и* изъ дѣ сомнительно, хотя я и нерѣшаюсь поправить на *ді*. Быть можетъ слышалось *і* несмягчающее предыдущей зубной. И теперь есть Мр. говоры, въ коихъ записывателямъ слышится и *е*, и *і* острое, и *и* (изъ ѣ), о чемъ напр. въ моихъ Зам. о Мр. нар. 103, 123, 132. Въ томъ же селѣ Озятахъ Кобр. у. Гродн. г. и тѣмъ же записано: дывчйнонько и д*и*вчинонько, дывчина и дивчина (Сб. пам. нар. тв. Югозап. кр. I, 72—3, 75). Тѣмъ менѣе точности можно ожидать отъ человѣка, быть можетъ, впервые услышавшаго въ Венеціи (чистую ли?) русскую рѣчь и имѣвшаго лишь смутное понятіе о различіи въ произношеніи *і* и *у*.

—*є* изъ *я*. mě, tě (вм. мя, тя) и теперь напр. въ Галиц. окр. Стрыя. Въ Буковинѣ мя, тя (Купчанко l. c. pass.), хотя тамъ же *я* (изъ ѧ) нерѣдко=е, є, і. Въ 12 стихѣ можно бы ожидать для размѣра мене вм. *мє*.

—*м'не* изъ мене (родит. при глаголѣ съ до-, хотя въ слѣдующихъ стихахъ при томъ же глаг.—винительный). Опущеніе *е*, какъ въ Чеш. род. mne, Поль. mnie, Сѣв.

вр. у мня (Барс. Причит. 57). Ср. также въ Буковинѣ в'на при вона.

—л на концѣ въ pŭjmił и проч. въ XVI в. могло слышаться и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь *-в*.

—jes вм. *єсь*. -ский, а не -ський. См. мое соч. „Два изслѣд." 127; Житецкаго Оч. звук. ист. мар. нар. 339. Въ Буковинѣ (Купчанко l. c.)—єс (єсь 418 быть можетъ по ошибкѣ), *с*кий, *ц*кий и другіе замѣчательные случаи отвердѣнія з, с, ц (напр. яса вм. *ся* (род.), озмеш), которые вызываютъ предположеніе, что въ 22 стих. могло стоять не взял v. взяв, а вз*ал*, какъ у Благослава.

—što (а не що) обычно въ стар. Мр. памятникахъ и нѣкоторыхъ нынѣшнихъ говорахъ, напр. Заблудовскомъ, Бѣльскомъ; št*a* съ *a* есть сербизмъ?

—шт изъ ст въ Штефан есть въ Буковинѣ (Купчанко, l. c. 411). Хотя шт существуетъ въ Чеш. Štěpán и предполагается Польскимъ Szczepan, но могло возникнуть въ Мр. и безъ посторонняго вліянія. Ср. Мр. штовхати, штурхати.

—stoj*и* въ 3 л. мн.—форма сомнительная. По словенски stoja, въ Буковинѣ похваля, погудя (Голов. Пѣсн. въ Чт. 76 г. I, 536—др.); любя, нося, робя и даже журя се (Купчанко 438), мандруя (вм. ют, ib. 431), вѝростя (вм. в*и*ростут 442). Формы 3 л. мн. ч. шерму*ю*, стриля*ю* (безъ -т) могутъ быть вѣрны: Ср. въ Буковинѣ (Купч. l. c.) прийду 454, пишу 580, хотя тамъ же здоймут, дают, пишут. Въ виду płačet, rečet, -ть въ dopłynet' сомнительно: -т (а не ть) въ 3-мъ л. ед. и мн. идетъ полосою, начиная съ Бѣлостоцкаго у. черезъ у. Пружан., Бѣльскій, Брест., Кобрин., русскія мѣстности Сѣдлецкой губ., часть Волынской (?), Подольскую въ Галицію и Буковину.

—treta вм. -тя. Такъ теперь около Калуши въ Галиціи (Рус. Днѣстр. 41, ib. третому, трет*е*, а не -тє, 37—8) и въ Буковинѣ.

—nĕchto въ ст. 20—ошибочно вм. не хто, т. е. не кто либо другой, а именно онъ. Ср. напр. у Квитки: „птичі самчики заспівали своіх пісенёк... а не хто вже виспівувать, як соловейко; не хто, як упователно Илько На́люш-

ня; сотник зирк! аж то ввійшов не хто, як Григóрович; та усе-ж то лепорт, не що більше.

—Чехизмы, внесенные вѣроятно записывателемъ:

на verši вм. версі;

płačuci вм, -чи:

milenka, dywonka, dušenko вм. -енька, -онька, -енько; Ср. Чеш. milenka, dušinka.

ach kdo вм. а хто;

обозначеніе долготъ

—dyw-on-ice. Это образованіе въ Мр. мнѣ невстрѣчалось. См. однако Mikl. Gr. II, 141. Вр. раз-дѣв-оня, изнѣженный мальчикъ.

—Изъ ст. 2, 5, 9 видно, что *potá* жен. род.; поэтому въ ст. 6—8 ошибочно стоитъ w tureckym, w tatarskym, wołoskym rotě вм. в турецьки(й) м (и)... роті. Тоже *ми* или *мі* стоитъ правильно въ ст. 13 и 17.

—Въ ст. 20 вм. nechto me dopłynuł ставлю *ми* или *мі*, такъ какъ *мє* показывало бы, что говоритъ сама дѣвица, тогда какъ рѣчь ея уже кончена и говоритъ пѣвецъ.

О значеніи дательнаго мі (или ми) въ ст. 6—8, 13, 17, 20 и другихъ подобныхъ дат. личныхъ мѣстоименій см. Бусл. Гр. § 203, пр. 8, гдѣ говорится только о *ти*, *тебѣ* „придающихъ старинной рѣчи особенную искренность и наивность разговорнаго начала"; Mikl. Gr. IV, 601—2, гдѣ разсматривается dativus ethicus, основанный на dat. commodi.

Нашъ частный случай могъ бы быть названъ дательнымъ поэтическимъ. Онъ выражаетъ сознаніе живости, съ какою пѣвецъ или разскащикъ представляетъ себѣ то, о чемъ говоритъ; интересъ, какой принимаетъ въ этомъ онъ самъ (ми), или вмѣстѣ съ слушателями (намъ), или—какой онъ предполагаетъ во 2-мъ лицѣ (ти, Мр. тобі, вамъ), какъ отраженіе интереса 1-го лица.

а) *Ми*. „что *ми* шумить, что *ми* звенить давечя рано предъ зорями?"—Игорь плъкы заворочаеть, жаль бо ему мила брата Всеволода, Слов. о Пол. Игор. Поправка *далече* вм. *давечя* (Бусл. Русс. Христ. 98) ненужна, такъ какъ *давѣ-чя*, только что, недавно, сегодня, относитъ къ недав-

нему прошедшему иллюзію воображенія, выраженную настоящими временами и дательнымъ *ми*. „Нелгалъ бо *ми* (т. е. не „*мнѣ*“, а „*вѣдь*“ v. „*я знаю*“) Ростиславъ князь: „луче бо ми (=мнѣ) смьрть, ни Кур'ское княженіе“, Дан. Заточн. сп. Унд. Бусл. Хр. 621, ср. 677.

Тоже мі (Головацкій пишетъ ми) до нынѣ обычно въ Галицкихъ пѣсняхъ болѣе высокаго строя, какъ колядки:.. яворови східці, ходит мі по них молода княгиня, Голов. Пѣс. II, 4; з-за там-той гори з-за високоі выходит мі там золотий крижик, а під тим крижком сам милий госпідь, ib. 7; ей в полі... там же' мі йоре золотий плужок, ib. 8; виділи мі то панскіи слузи ib. 12.

Въ Серб.: Висока јела до неба, Широке гране подвила, Све равно поље прекрила, у пољу *ми* је виноград, у винограду джардини... Кар. Пјесм. I, 333; Пиле су *ми* винце до три јетрвице... ib. 429; И ту нашше (нађоше) протопоп—Неђелька, ђе *ми* служи боже летурђије Пјев, Црног. 118; Вино пију до три побратима На обали Саве и Дунава. Једно *ми* је кральевићу Марко, А друго је Іанко од Сибинья... Ib. 129 и мн. др.

Еще чаще въ Болгарскихъ пѣсняхъ:

Оро *ми* играле триста самовили, Миладин. 2; Сънцето *ми* є на за'од, Самовила є зад гора, ib. 4; Шетал Марко низ гора зелена, Што *ми* шетал три дни и три нокя... ib. 8; *Ми* помина Марко Кралевике, *Ми* помина низ Клисура града ib. 231; Дзид ми дзидале девет майстори ib. 253 et pass.

Поль. «to mi chłopiec!»; Gruntuj że mi, gruntuj mój warkocku do dna... народ. пѣс.

Луж. см. Mikl. IV, 602.

б) *Намъ*. Ст. 13, А што мі речет... ср. со слѣдующимъ.

Та вже-ж до тебе в рік [5]) Біг приходит,
В рік Біг приходит, три товариші:
Первий товариш—ясне сонінько,

---

[5]) То есть въ годъ, въ праздникъ

Другий товариш—та білий місєць,
Третий товариш—та дробен дождик.
А що нам рече первий товариш?
—Ой як я зійду разом з зорєми,
Та врадує сє весь мир на земли,
(Русалка Днѣстр. 38—9);
Ой из за гори, з-за зеленоі
Выходит же *нам* чорна хмаронька,
Але не є-ж то чорна хмаронька,
Але но є-ж то наперед овець,
Наперед овець красний молодець
Ib. 51.

в) *ти*. „Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои *ти* готови... а мои *ти* Куряни свѣдоми къмети“ Сл. о П. И. Дубенскій переводитъ: а мои *тебѣ* кони готовы... а мои-*то* Куряне лихіе наѣздники (Р. Д. III, 33). Первое (тебѣ) недаетъ удовлетворительнаго смысла, ибо кони были не Игорю, а Всеволодовымъ Курянамъ; второе (-*то*) предполагаетъ въ XII в. на Югѣ употребленіе мѣстоименія указательнаго въ качествѣ члена, какъ нынѣ въ Сѣр. вр. (мои-тѣ, мои-ти), что нетолько недоказано, но и маловѣроятно. Принимая *ти* за дат. поэтическій, я перевожу: „а мои *вѣдь* (см. ниже объ этой частицѣ)“, или „а мои, *ты знаешь*, готовы... а мои (*ты знаешь*) Куряне извѣстные молодцы [6]) (удальцы, на гласу јунаци).

[6]) *Съвѣдомъ* См. Mikl. Lex. Каково бы нибыло болѣе древнее значеніе слова *къметъ* и независимо отъ его значенія въ ст. Чеш., ст. и нов. Поль., Литов. (изъ Поль. или стар. Русск. kumetys), и Серб., въ Русск. XII в. оно имѣло значеніе мужа (какъ воина, взрослаго человѣка). Какъ Чеш., Слов. chlap въ «ty si...» знач. молодецъ (ein tüchtiger, braver kerl) и какъ мѫжьство, virtus—отъ мужь, vir, такъ *къметьство*—не только collect. (Новг. I, 19), но и abstract. удальство: тогда же Угре на фарехъ и на скокахъ играхуть на Ярославли дворѣ многое множество (т. е. джигитовали). Кіяне же дивяхуться Угромъ множеству, и кметьству (въ подл -ьства) ихъ, и комонемъ ихъ, Ип. 56, 20. Такимъ образомъ и *комоньство*—добро-

„Нъ уже, княже, Игорю утръпѣ солнцю свѣтъ.... Донъ *ти*, княже, кличеть и зоветь князи на побѣду", Сл. о П. И. Дуб. (Дост. III, 169) передъ *ти* некстати подразумѣваетъ *къ* (но *къ* ти вм. къ тобѣ невозможно) и переводитъ: „*тебя*, князь, Донъ кличетъ" (такъ и у Малашева 94). Слѣдуетъ: „Донъ (*ты вѣдь слышишь*), князь, кличетъ (быть можетъ о воинственномъ кликѣ Половцевъ)....

„Тяжко *ти* головѣ(ы) кромѣ плечю (род. пад. дв. ч.), зло *ти* тѣлу кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря" ib. Дуб. (ib. 251): „тяжело *тебѣ* головѣ... худо *тебѣ* тѣлу"; подобно этому и у Бусл. И. Хр. 597, и у Малашева 98; между тѣмъ *ти* обращено не къ предмету рѣчи, а къ слушателю: „тяжело *вѣдь* (ср. Вр. обл. *знаш*), худо *вѣдь* тѣлу безъ головы; *такъ* Русской землѣ...

Единъ же... рече посмихаяся Исакію: „оно ти сѣдить вранъ черный; иди, ими и, Лавр. 84. Этотъ примѣръ для объясненія „мои-*ти* готови" въ Сл. о П. Иг. Малашева. М. 1871, 105; тамъ же: „Приде ему (Яросл.) вѣсть... отъ сестры его Передъславы: „си (=свой, т. е. твой? или=се, вотъ?) отець-ти. умерлъ, а Святополкъ сѣдить ти Кыевѣ" Л. 61. Ср. ib. 59, 4, гдѣ однако возможенъ и дат. принадлежности.

Она же (вълхва) реста: „сице нама бози молвять: не быти намъ живы(мъ) отъ тебе". И рече има Янъ: „то-*ти* вама право повѣдали". Лавр. [1], 76, гдѣ *ти* становится уже несогласуемою частицею, какъ и въ двухъ слѣдующихъ примѣрахъ.

Неклените ся Богомъ, ни хреститеся, *нѣту*-бо-*ти* нужа никоеяже, Мономах. Л. 102. Ср. Вр. нѣту-ти, нѣтуть.

та, достоинство, удаль коня: «конь же его (Андрея), язвенъ велми, унесъ господина своего, умре; князь же Андреи, жалуя комоньства его, повелѣ и погрести надъ Стыремъ, ib. 47, 20. Такъ и въ ст.-Поль. komunny—не только конный, но и доброконный: «Turcy najznaczniejszą w ludziach co komunniejszych klęskę odnieśli, 1620 г. Pam. o wyprawie Chocimskiej ed. Ż. Pauli, 156.

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како-*ти* есть человѣколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ, id. Л. 101.

Оже имешь княжити во Краковѣ, то-*ть* мы готовѣ (=и) твои, Ип.[1] 217. Княже мой господине! аще т(и) есмь на рати не хоробръ, но на словехъ ти есмь крѣпокъ, Дан. Заточ. Бусл. И. Хр. 619.

Кому ти ес(ть) Переславль, а мнѣ Гореславль, ib. 621.

Ино бо ес(ть) лодія, а иное корабль; ино ти конь, а иное лошакъ; а инъ ти есть уменъ, а инъ безуменъ, ib. 625.

Излишество въ употребленіи этой частицы въ нѣкоторыхъ Вр. говорахъ служитъ предметомъ насмѣшки: „у насъ-ти въ Ростовѣ-ти луку-ти, чесноку-ти! А навозъ-ти всё конёвій“, Яросл. (Даль).

Въ Мр. вост., какъ и въ нѣкоторыхъ Вр. говорахъ въ подобномъ смыслѣ только *тобі*, *тебѣ*: що в Бога день -тобі, говóрять: ось той недуж, той умірає, а той умер, Кв.

Въ Серб. пѣсняхъ: льепо ти је низ поље гледати жуту дуньу међу листовима, ка’но Мару међу ђеверима, Кар. I, 48; льепо ти је погледати, како свати китом сједе, ib. 66; обычно: „Ал’ ето-ти...“ v. Ево *тебе* коньа и ђевојке, ib. 223—4.

Въ Поль. простонародномъ въ смыслѣ *вѣдь*: A miałam ći miałam złoty pierśćionecek... (Kozłowski, Lud. Pieśni z Mazowsza, 33); Wźion ći jum za rącki, wźion ći jum za bocki, Oj wrzućiuł ci jom, wrzuciuł w ten Dunaj głębocki. Gruntuj ze mi, gruntuj, mój warkocku, do dna; Iescem ći jo jesce ty śmirći niegodna, ib. 34 et pass.

Въ Чеш. ti, -t’ Zikm. Skl. § 76.

г) *Вы* (дат.), *вамъ*.

Устрѣтоша... мя слы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: „потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича (вин. мн.) и волость ихъ отъимемъ; иже-ли непоидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“. И рѣхъ: „аще вы ся и гнѣваете, немогу *вы* я ити, ни креста переступити, Моном. Л. 100, т. е. вы знаете, вамъ извѣстно, что я немогу.

Въ Буковинѣ *вам* въ смыслѣ представьте себѣ, можете

себѣ представить: Парубки посідают собі на гарні коники, та гайда зустрічати... А брат *вам* уберетця въ кармазин.. тай стане собі кінець суток (Федькович, Пов.; языкъ украинизованъ). Дяків такого понасходилося, та як *вам* разом усіма заспівают, то аж якось страхъ слухати, id.; Вийшла одна (з церкви), неступає *вам* здрібна, ні!... вийшла друга, так *вам* и надюндюжилася, ніби хтось такого діла уже й невидів... вийшла четверта, та *вам* на парубків моргає, аж таки проситця id.; Василь мій так таки *вам* затужив, що аж неможу вам сказати ib.

Для сравненія—о частицѣ *вѣдь*. Вр. *вѣдь*, какъ и Чеш. vědě, věd', Слов. ved', возникло не изъ повелительнаго (=ст.-Сл. вѣждь, Русск. стар. *вѣжь*, и, судя по Галиц. повідж,—вѣджь), какъ у Бусл. Гр. § 201, пр. 15, и какъ думаетъ Миклошичъ, опираясь на ошибочную аналогію съ *глядь*, *знай* (Gr. [2]. III, 316), а изъ 1 л. ед. изъявительнаго *вѣдѣ* [Mikl. Lex.; Gr. [1]. III § 688; [2]. p. 125; въ ст.-Русск. „княже, невѣдѣ, могу ли ся, Лавр. 53, т. е. незнаю, смогу ли, въ силахъ ли; азъ свѣде (=ѣ), Ип. [1]. 30, 9; оже въѣдемъ въ нѣ (въ полкъ Кіевскій), то азъ вѣдѣ, ти ся за мя біють, Ип. 55, 24; нельзѣ речи: „невѣдѣ, у кого есмь купилъ, Русск. Правд. Син. Р. Дост. I, 36]. Согласно съ этимъ *вѣдь* по значенію (не по образованію) соотвѣтствуетъ Хорут. vem, ven-dar, Поль. wiem, bo-wiem, albo-wiem (Mikl. Gr. IV, 154). Здѣсь объ немъ упоминается не ради обычнаго и въ литер. яз. значенія слегка противительнаго („вѣдь я ему уже далъ! чего же ему еще?“ ich habe im *ja* gegeben) и винословнаго („не трогай его: вѣдь онъ не свой братъ“), а ради плеонастическаго употребленія въ народнопоэтическихъ произведеніяхъ:

Вынималъ онъ изъ налушна тугой лукъ,
Вынималъ онъ *вѣдь* стрѣлку каленую,
Кир. Пѣс. 1, 24;

Поворацивалъ же старой-отъ добра коня
Во дороженьку *вить* ѣхать, гдѣ убиту быть,
ib. 87.

А и всѣ на пиру-ту да напивалисе,

А и всѣ на чесномъ да наѣдалисе,
Да и всѣ на чесномъ *видь* приросхвастались.
Да иной-от-то хвасталъ широкимъ дворомъ,
А другой-от-то *видь* хвасталъ золотой казной...
Только глупой-отъ *видь* хвасталъ молодой женой,
ib. 3, 42.

(Смерть) Со синя-*ли* моря шла да *все* голодная,
Со чиста-*ли* поля шла да *вѣдь* холодная,
Барс. Причит. 2.

Ты послушай же спорядная сусѣдушка,
Што *вѣдь* я скажу, кручинная головушка, ib. 12.
Приукрылся нонь надежная головушка
Во матушку *вѣдь* онъ во сыру землю,
Въ погреба *вѣдь* онъ да во глубокіи, ib. 18.

Въ этомъ смыслѣ *вѣдь* близко подходитъ къ вр. частицѣ *ли* (не вопросительной, см. выше) и къ сѣв.-вр. члену.

II. Размѣръ пѣсни о Стефанѣ до нынѣ обыченъ въ мр. пѣсняхъ. Нормальное число слоговъ въ стихѣ—12. Обычное мѣсто отдыха (Серб. одмор)—по серединѣ стиха. Само собою, что, какъ и вообще въ Славянскомъ стихосложеніи, отдыхъ есть цезура, совпадающая съ синтаксическимъ дѣленіемъ, т. е. раздѣляющая или два (рѣдко больше) предложенія или двѣ относительно самостоятельныя части одного предложенія: съ одной стороны обращеніе (Дунаю, Дунаю), съ другой—предложеніе; съ одной—сказуемое съ подлежащими, съ другой—объектъ со своими опредѣленіями или неопредѣленное съ дополненіями и т. д. Ни количество тоническихъ удареній, (т. е. удареній отдѣльныхъ словъ), ни ихъ мѣсто неопредѣлено: въ полустишіи ихъ можетъ быть отъ одного до четырехъ. Говорить здѣсь о ямбахъ, хореяхъ и проч. хотя бы и тоническихъ, нѣтъ другого основанія, кромѣ школярской рутины. Единственный метръ есть именно полустишіе. Размѣръ народной пѣсни первоначально возникаетъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, почему синтактическое дѣленіе стиха совпадаетъ съ естественнымъ дѣленіемъ напѣва. Въ пѣніи тоническое удареніе незамѣтно

или малозамѣтно, такъ что отъ пѣнія легко сдѣлать ошибочное заключеніе къ ударенію въ просторѣчіи. Этимъ объясняется то, что и при русскомъ, подвижномъ удареніи, и при польскомъ, падающемъ на предпослѣдній слогъ, размѣръ пѣсни можетъ оставаться тотъ-же.

Изъ примѣровъ, какъ слѣдующіе, въ коихъ я отмѣчаю вост. мр. тоническое удареніе лишь многосложныхъ словъ и главныя слова полустишій, можно убѣдиться, что при совершенной правильности размѣра рѣдкій стихъ въ тоническомъ отношеніи похожъ на другой:

Ой самá я, *самá*, || як *билúна* в-пóлі...

З-ким вірно *люблюся,* || не наговорюся,
Прийдý *до-дóмоньку*, || заплáчу, утрýся.

Якъ ми любúлися, || як голубів *пáра*,
Тепéр *розійшлúся*, || як чóрная *хмáра*.

Общая, дѣйствительно весьма распространенная черта этихъ и имъ подобныхъ примѣровъ, именно тоническое удареніе на предпослѣднемъ слогѣ втораго полустишія, недолжна быть возводима въ законъ разсматриваемаго размѣра и недаетъ еще права думать, что въ говорѣ, къ коему относится наша пѣсня (Дунаю...) произносилось въ просторѣчіи тéчеш, стóят, повідáла, лúши, мí—*єс*, дівóньку, а не течéш, стоúт, повíдала, лишú, мі—*єс*, дíвоньку.

Изъ вышеупомянутой музыкальности размѣра вытекаетъ и то, что его правильности могутъ невредить извѣстныя отступленія отъ нормальнаго количества слоговъ. Въ слѣдующемъ примѣрѣ каждое полустишіе занимаетъ 2 такта въ $\frac{3}{4}$, но въ 3-мъ полустишіи 8 слоговъ, въ остальныхъ по 6-ти:

Ой сама я, сама || пшениченьку жала,
Як прийшла я до домоньку || нема-ж мого пана.

Въ слѣдующемъ тоже, при полустишіи=двумъ тактамъ въ $\frac{4}{4}$:

Ой Боже-ж мій Боже, || на що я вродився?
Гей, гей, гей || на що я вродився?
І кінь ворон, и сам молод, || а ще й не 'женився,
Гей и проч.

Неслѣдуетъ думать, чтобы нормою было здѣсь чередованіе перваго полустишія шестисложнаго съ 3-мъ о 8-и слогахъ, ибо безъ нарушенія правильности размѣра и въ 1-мъ можетъ быть 8, и въ 3-мъ 6 слоговъ:

Купиж мені (моя) мати и проч. [7])

Подобнымъ образомъ можетъ и недоставать слоговъ до господствующаго ихъ количества, напр.

Ой ти дуб, || я береза,
Ой ти пъяний, || я твереза.

Поэтому опасно было бы исправлять такіе стихи, какъ

Альбо мє пуйми, || альбо мє лиши

въ „альбо мене...“ и проч.

Это свойство народнаго пѣсеннаго размѣра можетъ быть перенесено и въ размѣры стиховъ непредназначаемыхъ для пѣнія: равенство времени занимаемаго полустишіемъ можетъ быть выражено и въ простомъ чтеніи при помощи ускореній и паузъ, безъ несвойственнаго большинству новыхъ русскихъ говоровъ различенія долготы и краткости слоговъ въ отдѣльныхъ словахъ.

III. Нѣчто о началахъ пѣсенъ и проч. (по поводу ст. 1—9 пѣсни „Дунаю“...).

Безъ притязанія на полноту отмѣчу нѣсколько пріемовъ.

1. Пѣсня можетъ начинаться безъ приступа, прямо съ

---

[7]) Если бы стихосложіе было построено на различеніи долгихъ и краткихъ слоговъ, то невозможно было бы то явленіе, что, при оставленіи въ 6-ти сложномъ полустишіи тѣхъ же словъ, оно посредствомъ вставки новаго слова можетъ быть превращено въ 8-ми сложное, безъ нарушенія правильности размѣра: «Ой Боже-ж мій Боже»=«Ой Боже-ж мій, милий Боже» (Ср. Срез. Мысли объ и. р. яз. 107—8).

событія или рѣчи дѣйствующаго лица: „Ей зажуритця, заклопочетця Хмельницького старая голова“...; „Оженила мати неволею сина“...; „Як приіхав мій миленький с поля“...; „Що ти, милий, думаєш—гадаєш? Либонь мене покинути маєш“... Такъ нерѣдко начинаются Вр. былины [„Былъ жилъ Добрыня у дядюшки“, какъ сказка „жилъ-былъ N“; „Сѣдлатъ Добрыня добра коня“...; „Добрынюшкѣ матушка говорила...], Серб. и Болг. юнацкія пѣсни [Кньигу пише Жура Вукашине... Пије вино Српски цар Стеване...; Кад се жени Српски цар Стјепане; Болг. Седнал Марко с майка да вечерат...; Стоян на майка думаше...; Шедба шете Марко Прилепчанец].

Сюда же относятся и начала съ краткаго и сухого обозначенія мѣста и времени: „Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ“... „Въ старину было randодавнюю, Кир. Пѣс. 4, 1.

Менѣе непосредственны начала, указывающія на возбужденное состояніе самого пѣвца, на то что онъ пораженъ удивленіемъ [Серб. „Мили Боже! Чуда великога!...; Гледах чуда прије невиђена...; „Стан'те, браћо да ви чудо кажем...; Болг. Де сѫ је чуло видело, син боща на сѫд да кара, Милад. 137; Мр. А в неділеньку рано стала нам ся новина... Рус. Дн. 26; Stała nam sie nowina: Pani pana zabiła]. Обращеніе мысли къ главному дѣйствующему лицу пѣсни выражается въ началахъ, особенно свойственныхъ Болгарскимъ пѣснямъ, состоящихъ въ воззваніи къ этому лицу: „Море, Стоєне, Стоєне!“ и за тѣмъ пѣсня о болѣзни и смерти Стояна, Милад. 113; „Мори Недо, бѣла Недо, Бѣлъ трандафил неразпукнат, Неразпукнат, неразцъфтен!“ и за тѣмъ о похищеніи и самоубійствѣ Неды. Рѣдко встрѣчается нѣчто подобное въ В.-Русск.: „Ой ты гой еси охотничекъ, Суровенъ (=ецъ) богатъ самъ Суздалецъ! Ѣздилъ ты ровно три года, Неубилъ ни гуся ни лебедя“... (Кир. 3, 107). Въ Мр. сюда относится начало думы объ угнетеніи Украйны жидами и о возстаніи: „Зéмле Польска, Украіно Подольска! Та вже тому нé річок і не два минає, Як у християнськiй землі добра немає... Ант. и Драг. И. Пѣс. II, 25. Сюда же быть можетъ припѣвы, какъ “Гей Марусенько, чорная галко, пишна панянко“...

За такою видимою простотою скрывается значительная степень сложности и отвлеченности мысли. Пѣсня является обособленнымъ, самостоятельнымъ цѣлымъ, освобожденнымъ отъ связи съ предшествующими рядами мыслей, которыя будучи несущественны по отношенію къ содержанію пѣсни, тѣмъ не менѣе одни могли бы объяснить, какъ мысль пѣвца перешла отъ близкаго къ далекому, какъ онъ вздумалъ пѣть теперь, о томъ, что „сів Христос та вечеряти“ или что „вино пиjу Новак и Радивоj“. Пользуясь народнымъ выраженіемъ „нова́ пісня тчетця“, можно сказать, что въ этомъ видѣ пѣсня—готовая ткань, безъ слѣдовъ тѣхъ нитей, которыми она была прикрѣплена къ станку, когда ткалась. Готовая, она развертывается по желанію слушателя („Кто бы намъ сказалъ про старое, Про старое, про бывалое, Про того Илью про Муромца?“ Кир. Пѣс. 1, 1, ib. 3, 4, 19, 20), которое опять таки несвязано съ непосредственно окружающею дѣйствительностью, отъ которой неизбѣжно начинается всякая мысль.

2. Слѣдующія начала колядокъ замѣчательны именно тѣмъ, что въ нихъ непосредственное воспріятіе является исходною точкою мысли. На эту непосредственность указываютъ мѣстоименія и нарѣчія указательныя, между тѣмъ какъ дат. *мі*, *намъ*, по выше сказанному, свидѣтельствуютъ о „волшебной силѣ пѣснопѣнья“:

—З-за *там-той* гори з-за високоі
Виходит *мі* (нам) *там* золотий хрест,
Голов. Пѣс. II, 6:
—З-за *'ной* (=оной) *мі* гори з-за високоі,
Відки (=відти) *мі* виходит тонойкій голос,
Тонойкій голос, топори дзвенят ib. 7;
—З-за *оной* гори з-за високоі
Відки *мі* виходит овец керделец,
Наперед овец білий молодец... ib. 59;
—*На 'них* луках, *на 'них* широкіх
Ген там Волосі церков мурують, ib. 12.
—А *там* на лукахъ на барз широкіх
Там же *мі* горит терновий огник,
Кол' огня ходит широкій танец ib. 57.

Можно думать, что въ нѣторыхъ случаяхъ широкій кругозоръ, дѣйствительно представлявшійся съ горы глазу пѣвца, окрылялъ воображеніе:

Ей *долов мі*, *долов далеко*
Там же *мі* ріля та й не йорана ib. 9;
Долов мі, *долов там* церква камяна,
Сідит у ніі... ib. 41;
Ей по-під Бескид, по-під зелений
Синя мгла, гей синя мгла
По полонині полегла!
Там тади лежит давна [8]) стежейка,
Тов стежейков ишли... ib. 42.

Исскуственность и условность извѣстнаго способа изображенія въ народной поэзіи и вообще—явленіе вторичное, предполагающее въ прошедшемъ его полную необходимость и точное соотвѣтствіе съ настроеніемъ минуты. При томъ нельзя положить рѣзкой границы между созданіемъ и воспроизведеніемъ. Поэтому, допуская, что приурочиваніе готоваго содержанія пѣсни къ наличной обстановкѣ пѣвца, списываемой съ натуры, могло стать пріемомъ традиціоннымъ, можно признать, что, когда въ пѣснѣ говорится о непосредственномъ воспріятіи, то первоначально это воспріятіе въ самомъ дѣлѣ служило мостомъ для мысли пѣвца. Прежде чѣмъ мысль привыкла начинать съ идеальной дали [Далече далеченько во чистомъ полѣ. Еще подалѣ во раздольицѣ Выѣзжалъ *туто* удалъ молодецъ, Кир. Пѣс. 1, 6, 18, 23, 30, 92; Какъ изъ далеча изъ чиста поля Изъ раздольица изъ широкова Выѣзжаетъ тутъ старый казакъ ib. 93; Изъ за горъ было высокіихъ Не ясенъ соколъ тутъ вылетывалъ,... Выѣзжалъ тутъ доброй молодецъ ib. 3, 100; Мр. „Из за гори“...] глазу необходима была эта даль для того чтобы мысль могла вывести изъ нея свои созданія. Въ этой дали для начала нужно было различить свѣтлую точку:

---

[8]) То есть я думаю, не «давняя», а согласно съ Скр. давијаһс, давиштһа, «далекая».

Што се бјели у гори зеленој!
Ал' је снијег, ал' су лабудови?

(начало знаменитой пѣсни о Хасанагиницѣ, Кар. III, 527);

Що бѣлеи, що лелеи
На вървх бѣла Бѣлашица?
Да ли *ми* сѐ соспи снеги,
Ели сет бѣли лебеде? Милад. 19.

Ухо для начала должно было въ тишинѣ уловить звукъ:

Що є плюскот во гора зелена?
Али ми је змія присойница? ib. 299.

3. Между внѣшней исходною точкою мысли и главнымъ ея предметомъ, кромѣ сопоставленія въ пространствѣ и времени, можетъ возникнуть болѣе тѣсная связь сходства и противоположности, отношеніе знака (символа) къ значенію. Какъ въ отдѣльномъ этимологически-ясномъ словѣ знакъ (представленіе) необходимо предшествуетъ значенію, такъ и въ развитомъ сравненіи первоначальный порядокъ образа и значенія—тотъ же, а извращеніе его (когда говорится сначала о предметѣ, потомъ о томъ съ чѣмъ онъ сравнивается), какъ всякая инверсія, есть позднѣйшее усложненіе мысли.

Столь любимыя, особенно въ мр. пѣсняхъ, начала съ символа, который можетъ находиться въ трояконъ отношеніи къ означаемому [9]), первоначально вытекаютъ не изъ какихъ либо артистическихъ соображеній, не изъ умысла дѣйствовать на слушателя, а изъ внутренней потребности пѣвца: это разбѣгъ, дѣлаемый мыслью для того, чтобы перейти къ предмету, недоступному сразу. Первоначально и здѣсь пѣвецъ начинаетъ съ того, что теперь онъ видитъ и слышитъ; толкованіе воспринятаго совершается подъ вліяніемъ съ одной стороны—господствующаго настроенія, съ другой—преданія.

---

[9]) то есть въ отношеніи сходства полнаго (положительное сравненіе), неполнаго (между прочимъ отрицательное сравненіе: «А; но это не А а Б») и, что менѣе извѣстно, противоположности, предполагающей сравненіе. Второе менѣе свойственно Мр. пѣснѣ, чѣмъ Вр., Серб., Болг.

Та вилетіла галка з зеленого гайка,
Сіла-пала галка на зеленій сосні.
Вітеръ повіває, сосонку хитає...

Все это передъ глазами; но *хитатись*=*хилитись* имѣетъ уже традиціонное значеніе, а если нѣтъ, то такое значеніе могло создаться въ эту минуту, одновременно съ обращеніемъ пѣвца къ самому себѣ:

„Не хилися сосно, бо й так мені тошно“...

(См. мою ст. Мысль и языкъ въ Жур. Мин. Нар. Пр. 62 г. отд. отт. 179—80; „О связи нѣкоторыхъ представленій“ въ Филол. Зап. 64 г. 10).

Лишь позднѣе, подъ вліяніемъ привычки къ такому пріему можетъ появиться намѣренное его употребленіе (напр. для заполненія первой половины двустишія, или ради риѳмы) и разработка, напр. варьированье начальнаго символа черезъ всю пѣсню, или ея часть:

Нехилися, сосно, бо й так мені тошно,
Нехилися, гілко, бо й так мені гірко.
Нехилися низько: нема роду близько...

Исподоволь становится возможной та отдаленность и случайность связи между символомъ и значеніемъ, которая въ глазахъ самого народа становится образомъ безсмыслицы:

В огороді бузина, а въ Києві дядько;
Тим я тебе полюбила, що на г. г.

4. Къ упомянутому подъ 2 пріему примыкаютъ пѣсенныя начала, изображающія дѣйствія пѣвца, приводящія его къ возможности наблюдать или представлять себѣ то, что составляетъ содержаніе пѣсни:

Ой вийду я на могилу,
Подивлюся у долину:
Ідут Ляхи на три шляхи
А козаки на чотири...
А татари на всё поле...

Рус. Днѣстр. 16—7.

„Ой пійду я, пійду не берегом, лугом“.—

такъ могло быть выражено дѣйствительное намѣреніе; но *луг* въ мр. есть не только обычная риѳма (какъ и въ Серб. пѣсняхъ), но и символъ по отношенію къ *друг*, и

подъ вліяніемъ господствующаго настроенія мысль пѣвца направлятся въ эту сторону:

„Та чи не зострінусь з несуженим другом“.

Вотъ она входитъ въ лѣсъ; ей кажется, что она встрѣтилась съ другомъ и привѣтствуетъ она вмѣстѣ и лѣсъ и его:

(„Ой) Здоровъ, здоров луже (мій) несужений друже!“

—Та здорова, дівчино, що любилися дуже.

И такимъ образомъ, подымаясь изъ элементарныхъ душевныхъ движеній, ростетъ и закругляется пѣсня.

Подобныя начала характеристичны для заговоровъ и причитаній надъ мертвыми (преимущественно Врусск.), о коихъ я по этому поводу замѣчу слѣдующее.

a) Оставаясь при мнѣніи, что заговоры *вообще* суть обломки языческихъ молитвъ (Аѳ. Поэт. В. I, 43, 414), что чѣмъ болѣе заговоръ подходитъ къ молитвѣ, тѣмъ онъ первобытнѣе, мы впадаемъ въ ошибку. Моимъ слушателямъ извѣстно, что такъ я думалъ и до появленія въ печати соч. Н. Крушевскаго „Заговоры, какъ видъ Русск. народ. поэзіи“ (Варш. Ун. Из. 76, № 3), гдѣ высказана эта мысль.

Въ молитвѣ человѣкъ обращается къ существу, которое, по его мнѣнію, на столько человѣкообразно, что можетъ исполнить просьбу, или нѣтъ, что оно доступно похвалѣ и благодарности или порицанію и мести. [10]) Конечно, хотя въ заговорахъ почти нѣтъ слѣдовъ благодаренія, но часть ихъ подходитъ подъ понятіе молитвы въ обширномъ смыслѣ, заключая въ себѣ привѣтствіе (напр. „добрúвечір тобі місяцю, милий князю...“), изображеніе могущества божества, упрекъ, просьбу, угрозу. Тѣмъ не менѣе значительная часть заговоровъ имѣетъ съ молитвою лишь то

---

[10]) Замѣчательны въ Серб. и Болгар. пѣсняхъ обращенія къ ружью, саблѣ, коню съ просьбой выручить. Между прочимъ ср. «Пушко—шарко, и отац и мајко и проч. Vienac Kaćić-Miošiću 17; ib. 41; Сабља-ле моя сестрице! Миладин. 257 и друг.

общее, что вытекаетъ изъ желанія, чтобы нѣчто совершилось. Нельзя сказать что они вообще отличаются отъ языческой молитвы тѣмъ, что „принадлежа къ эпохѣ болѣе грубаго представленія о *божествѣ*, имѣютъ, по мнѣнію говорящаго, принудительное вліяніе (О. Миллеръ, Оп. ист. об. Русс. сл. [2] 1, 84), ибо, во-первыхъ въ языческой молитвѣ врядъ ли можно разграничить принудительность и непринудительность; во-вторыхъ, въ заговорѣ можетъ вовсе незаключаться представленія о божествѣ. Опредѣленіе заговора, какъ выраженнаго словами пожеланія, которое непремѣнно должно исполниться (Крушевскій l. c. 23) слишкомъ широко. Оно неуказываетъ на исходную точку развитія заговоровъ, какъ *особой формы пожеланія*, присоединяетъ къ нимъ напр. простыя проклятія и ругательства, подъ условіемъ вѣры въ то, что они сбываются, и, какъ увидимъ, существенные элементы причитаній по мертвымъ. Мнѣ кажется, основную форму заговора лучше опредѣлить такъ: это—„словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее“:

„Въ печи огонь горитъ... и тлитъ дрова; такъ бы тлѣло и горѣло сердце у N“ (Майковъ, Вр. заклинанія. Зап. И. Р. Геогр. Об. по Этн. II 1869. 426);

«Limus ut hic durescit et haec ut cera
liquescit
Uno eodemque igni, sic—nostro Daphnis
amore (Virg. Ecl. VIII, 80),

какъ говоритъ женщина, приближая къ огню два изображенія привораживаемаго: одно изъ илу, другое изъ воску.

Возникновеніе заговоровъ связано съ созданіемъ категоріи причины изъ отношеній «cum hoc» и «post hoc», въ частности изъ отношеній сходства. Вѣра въ возможность достиженія внѣшней цѣли посредствомъ субъективнаго процесса сравненія и изображенія предполагаетъ низкую степень различимости изображаемаго (внѣшняго, объективнаго) и изображенія (слова и личнаго дѣйствія вообще); ср. Крушев. l. c. 24—9. Въ частности, для возникновенія вышеприведенныхъ „присушекъ“ необходимо, чтобы любовь

представлялась дѣйствіемъ внутренняго огня; но вовсе не необходимо, чтобы внѣшній огонь, напоминающій объ этомъ внутреннемъ, сознательно представлялся божественною причиною личныхъ состояній, объясняемыхъ внутреннимъ огнемъ. Подведеніе частнаго явленія подъ общую міровую причину [напр. N (Илья=стрѣляющее Божество) отстрѣливаетъ уроки, пригоры, притки (вообще); пусть и въ этомъ случаѣ будетъ тоже] есть лишь одна изъ возможностей.

Двухчленность заговора, мнѣ кажется, лежитъ и въ основаніи другихъ его формъ, лишь по видимому болѣе простыхъ, а въ сущности относящихся къ первообразной приблизительно такъ, какъ опущеніе субъекта или предиката къ двухчленному предложенію. Въ заговорѣ, съ одной стороны, можетъ остаться одно примѣненіе, одно пожеланіе, одна молитва; съ другой можетъ быть на лицо одно изображеніе символа (будетъ ли это явленіе, имѣющее божественный характеръ, облеченное въ человѣкоподобный образъ, или нѣтъ), при которомъ примѣненіе лишь подразумѣвается [11]).

Въ значительномъ числѣ наличныхъ заговоровъ замѣтно, какъ въ нихъ, съ одной стороны, желаніе, заранѣе опредѣленное лишь въ самомъ общемъ, спеціялизуется подъ вліяніемъ случайныхъ воспріятій, съ другой—въ этихъ воспріятіяхъ усматриваются тѣ или другія стороны подъ вліяніемъ господствующаго настроенія. Напр. *приколъ* неимѣетъ отношенія къ пчеловодству и въ другое время ни его видъ, ни имя невозбудили бы въ человѣкѣ мысли о пчелахъ; но когда человѣкъ, будучи озабоченъ своею пасѣкой, находитъ эту вещь, онъ говоритъ: „як тое бидло було припъяте, не-

---

[11]) Напр. «Іхав Рахайло і Михайло на білому коню, вів три хорти, єден білий, другий червоний, а третій чорний: білий біжит, слёзи лиже; чорний біжіт, кров лиже, а червоний біжит, більмо лиже» (тричі сплюнути), Вінокъ Русинамъ на обжинок 267; Ефименко въ Чт. О. И. и Др. 1874, I, № 29. По практикуемому способу объясненія это значило бы: вѣтры—псы, сопровождающіе небесныя грозовыя божества, слизываютъ тучи и открываютъ солнце; а такъ какъ глазъ солнцеподобенъ, то пусть въ этомъ случаѣ сойдетъ съ него бѣльмо.

могло пійти від того міста нігде; так би мої матки немогли вийти (одійти?) від пасіки, від мене Р. Б. (Труды Этн. Эксп. въ Юго-Зап. кр. Чубин. I, 74). Лишь послѣ того, какъ случайно (хотя быть можетъ не безъ вліянія миѳической связи пчелы и быка, коня, О миѳ. знач. нѣкотор. обр. 209 сл.) образовалось сочетаніе мысли о конскомъ прикольнѣ и сидѣньи матокъ въ пасѣкѣ, появленіе мысли о послѣднемъ, какъ желанномъ, вызоветъ въ сознаніе и первое. Но тотъ разъ приколъ былъ на лицо, а теперь его нѣтъ; остается поискать нарочно. Съ теченіемъ времени возникаетъ требованіе: когда хочешь заговаривать матокъ, чтобъ сидѣли, найди „приколень що коня припинають", выйми его изъ земли и говори такъ: „якъ тее бидло було припъяте...." (ib. 74).

Дѣйствіе, сопровождающее здѣсь заговоръ, представляетъ простѣйшую форму *чаръ*. Чары, это—первоначально—дѣятельное умышленное изображеніе перваго члена заранѣе готовой ассоціяціи (именно того, съ чѣмъ было сравнено желанное), имѣющее цѣлью вызвать появленіе второго члена, т. е. сравниваемаго и желаннаго. Достигаемое этимъ болѣе живое представленіе желаемаго, при бѣдности содержанія мысли и ея безсиліи отличать субъективное отъ объективнаго, принимается за мѣру, необходимую для появленія желаемаго въ дѣйствительности, за мистическое осуществленіе желаемаго. Чары и первоначально и до нынѣ могутъ неимѣть отношенія къ небеснымъ и мировымъ явленіямъ, и въ этомъ смыслѣ требуетъ ограниченія мнѣніе, что древнѣйшіе обычаи (Gebräuche) оказываются простыми изображеніями небесныхъ явленій" (Schwartz, Der Ursprung der Mythol. XVI).

Подобно тому, какъ, по сказанному выше, пѣсня можетъ начинаться со случайно даннаго явленія, которое становится символомъ, а также подобно тому, какъ ругательства получаютъ опредѣленное выраженіе подъ вліяніемъ послѣдняго слова отвѣта [12]); подобно этому и въ заговорахъ

---

[12]) Напр. «Та я-ж ходив....—А бодай тебе ходило се та те!» или: «Та вже ж ёго тіточко відтіля випустили. Сам справник

образомъ желаемаго, дающимъ направленіе мысли, можетъ стать какъ чувственное воспріягіе, такъ и слово. Напр. на Благовѣщеніе то, что въ этотъ день празднуется возвѣщеніе *зачатія*, даетъ поводъ пчеловоду говорить: „Повели Господи пчелам *зачати* ім густие меди и проч." (Труды... I Чубин. 71).

Гдѣ нѣтъ мысли о сверхчеловѣческомъ могуществѣ и намѣренной міровой дѣятельности, тамъ, я думаю, нѣтъ мысли о божествѣ; въ противномъ случаѣ понятіе о божесгвѣ расплывется въ понятіе вещи и явленія. Понятіе о божествѣ не исконно. Заговоры и чары, видимо стоящіе внѣ сферы богопочитанія, хотя бы и воспроизведенные, даже созданные вчера и сегодня, могутъ быть по своему характеру болѣе первобытны, чѣмъ такіе завѣдомо древніе, какъ извѣстный Нѣмецкій заговоръ VIII в. (Бусл. Оч. 250), въ коемъ первый членъ сравненія изображаетъ дѣйствія божествъ, и—чѣмъ подобные этому Русскіе заговоры съ несомнѣнными слѣдами языческихъ божествъ. Принимая все это, я имѣю въ виду поправку слѣдующаго мнѣнія:

„Нѣкоторые заговоры, прежде самого заклинанія или мольбы, предлагаютъ описаніе тѣхъ обрядовыхъ подробностей, съ какими въ древности надо было приступать къ этому священному дѣлу: „вставала я раба божія въ красную утреннюю зорю, умывалась ключевой водой, утиралась бѣлымъ платомъ, пошла изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты въ чистое поле и проч.... По этимъ указаніямъ *надо* было вставать... на зорѣ, выходить въ поле... умываться росою или ключевою водою, символомъ дождя, дарующаго обиліе и щастіе, кланяться на востокъ, гдѣ восходитъ верховное божество свѣта" и проч. (Аѳ. Поэт. В. I, 414—5).

прийіжджав, та випустив!»—А щоб випускала лихая година та нещаслива и вашого справника и старого лисого Макуху (твого батька) зо всім вашим поганим родом и приплодомъ! Випустили? От так ти випускай! (т е вовсе невыпустили) Квитка. Серб. «Нечуо кукавице! (недочекао пролећа) Кад ко послије дугога викања одговори «чујем» или се правда за што да није чуо. Караджж. Пословице 212.

Подобно этому и Крушевскій (l. c. 31) о формулахъ „встану я...“ говоритъ: „это очевидно совѣтъ знахаря, описаніе того обряда, который долженъ былъ предупреждать самый заговоръ, а *слилось оно* съ послѣднимъ позже, когда уже самъ обрядъ несовершался“.

Конечно, когда воспроизведеніе возобладало надъ созданіемъ, когда заговоръ сталъ повторяться буквально, то явилось несоотвѣтствіе словъ „встану я... умоюсь“ и проч. съ дѣйствіями знахаря, который, произнося заговоръ вовсе невстаетъ, неумывается и проч. Такая же неправда—и въ началѣ пѣсни „з-за *'ной* мі гори...“, если пѣсня поется напр. въ хатѣ, откуда никакой горы невидно. Въ обоихъ случаяхъ начала могутъ стать готовыми общими мѣстами, легко прилаживаемыми къ любому, тоже готовому содержанію. Но воспроизведеніе и условность предполагаютъ созданіе и полное соотвѣтствіе слова и мысли. Если въ заговорѣ говорится „встану я и проч.“ то нѣкогда такъ и дѣлалось, при томъ не въ силу совѣта знахаря, а прежде, чѣмъ сложились подобные совѣты. Изображенія дѣйствій невозможныхъ, имѣющія лишь символическое значеніе напр. порученія себя покровительству высшихъ силъ [„оболокусь я оболокомъ, обтычусь частыми звѣздами“ и т. п. Аѳ. Поэт. В. I, 611, въ родѣ того что въ Мр. загов. „Пресвята Богородиця стояла, мені въ поміч ставала“], могутъ разсматриваться какъ позднѣйшія наслоенія. Основная черта этихъ введеній видится мнѣ не въ томъ, что въ нихъ могутъ быть слѣды обрядовъ богопочитанія. Первоначально они—тоже по отношенію къ существенному содержанію заговоровъ, именно къ первому члену заключеннаго въ нихъ сравненія, что начала пѣсень, какъ „Пійду я...“ „Стану я...“, „Сяду я...“ по отношенію къ главнымъ мотивамъ этихъ пѣсень. Это—выраженія сознанія того пути, сначала случайнаго, потомъ намѣреннаго, которымъ человѣкъ приходитъ къ возможности сдѣлать извѣстное наблюденіе, вспомнить, представить себѣ, войти въ извѣстное настроеніе, подвергнуться иллюзіи; это первоначально—воспоминанія обстоятельствъ, при которыхъ сэткался заговоръ. Заговоры съ такими введеніями по формѣ древнѣе тѣхъ, которые начинаются внезапно, какъ съ обрыва.

Даже въ заговорахъ явно-божественнаго содержанія вступленіе можетъ неимѣть никакого отношенія къ богопочитанію. Вотъ напр. идетъ раба божія въ скорби и печали, идетъ, плачетъ и никто ее неспроситъ „о чемъ?" Видится ей, что встрѣчаетъ ее Матерь Божія, распрашиваетъ, утѣшаетъ, обѣщаетъ исцѣленіе отъ самого Христа. Этотъ личный опытъ вспоминается при другомъ горѣ своемъ или чужомъ; образуется умыселъ воспроизвести это воспоминаніе и достигнуть того же результата и возникаетъ заговоръ отъ напастей:

„*Иду я, плачу-ридаю*, Матір Божу совстрічаю. Матір Божа мя питає: „чего ти, раба Божа, рожденна, молитвенна, крещенная плачеш-ридаеш?"—Я плачу-ридаю: велику на собі вражду маю, велику напасть, ненависть, остуду-паскуду, пристріт и великий ніжень (? нежить? нежит?) на собі маю, та незнаю, де відблагаю.—Йди ти до ріки Ярдані! Сам Христос тя сціляє, очищає й заступає".

„Відблагай від напасти, ненависти, остуди-паскуди, пристріту і великого ніжню" (Подоль. губ. по р. Смотричу. Записано студ. Ив. Стефановскимъ).

Изъ этого примѣра видно также, что молитва и въ заговорѣ, въ коемъ изображаются дѣйствія божествъ, можетъ имѣть второстепенное значеніе. Заговоръ могъ бы быть и безъ послѣдней части („відблагай...")

Замѣчаемый въ пѣсенныхъ началахъ переходъ отъ изображенія дѣйствительной обстановки къ идеализованной, [13]) обыченъ и въ заговорахъ: „встану я... пойду... подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ луну господню къ *тому* (извѣстному, т. е. живо воображаемому, традиціонному) синему морю Окіяну. У того у синяго моря лежитъ бѣлъ алатръ камень..." (Гуляевъ, Очерки Южн. Сиб. 47).

б) П л а ч и по мертвымъ (причети, заплачки). Въ богатомъ матеріалѣ, собранномъ у Барсова (Причитанья Сѣв.

---

[13]) Ой пійду я, пійду по-*надь Дунаями*,
По над Дунаями вода слоянами...
Ой там козаченьчо коня напуває,
Коня із припоя (?), сам заплакав стоя.

края, М. 1872) и разсѣянномъ по другимъ изданіямъ можно различить два взгляда на значеніе причитанія по мертвымъ.

Конечно, въ незапамятное время замѣчено то свойство слова и поэзіи, что они, сообщая мысли опредѣленныя очертанія, даютъ исходъ душевному волненію (см. въ моей ст. Мысль и языкъ, Жур. Мин. Нар. Пр. 1862, 165 отд. отт.). Ср. Серб. *разговарати*, развлекать, ободрять („пјевај... те ме разговарај“) и Мр. пѣсню:

...„Нікуди пійти поговорити,
На серцю печаль розвеселити“.
—Йой жінко моя, дружино моя!
Ой єсть у полі та дві тополі,
Третя билина (то вся родина):
Туди пійдемо, поговоримо,
Печаль на серцю розвеселимо.
—Чоловіче мій, дружино моя!
Вже-ж я ходила і говорила:
До мене тополя непромовила
Та на серцю печаль тай нерозвеселила
(Метл. 247).

Надобно понимать буквально, что человѣкъ опытомъ доходитъ до отрицанія возможности найти собесѣдованіе и утѣшеніе внѣ человѣческаго общества. Въ весьма здравомыслящихъ простолюдинахъ до нынѣ таится мысль о человѣчности не только души животнаго, но мертвой природы. Я живо помню старика солдата, который каждый вечеръ заправляя свѣчу въ ночникъ, бесѣдовалъ съ нею: „чого ж ти не гориш? Гори-ж, гори!“. Не риторическая прикраса въ пѣсняхъ жалоба на долю землѣ, ночи, зорѣ (звѣздѣ).

Согласно съ этимъ одно практическое значеніе обращенія къ мертвымъ и причитанья—то, что легче причитать, хотя бы и нескладно, чѣмъ потомъ вспоминать молча:

„Попусти, да ты, обиднушка, жалкой голосъ,
„Хоть неумильное [14]) складное причитаньице,

ибо

[14]) Неумѣлое.

„Молча схватишься, голубонько, наплачешся,
„Спамятуешь свѣта-братца, натоскуешся
(Барс. 192).

Плакальщица настаиваетъ на томъ, что „изъ мертва живой нестанется“ (Барс. 33, 41; ср. 48, 5—6; 60, 61; 69, 53—7, 73 и проч.), что мертвый неслышитъ, неговоритъ (93, 156 и проч.), что

„Хоть говорю я, бѣдна сирота,
Свою мысель потѣшаюци;
Хоть и плачу, бѣдна сирота,
Свое сердчё надсажаюци...
Несплывать камню поверхъ воды,
Небывать кормильцу батюшку
Въ своёмъ домѣ (Барс. 59).

Но, какъ вообще отрицаніе раждается изъ утвержденія, такъ и отрицаніе возможности бесѣдовать съ мертвымъ, возвратить его къ жизни является въ плачахъ такимъ же эмпирическимъ заключеніемъ, какъ въ вышеприведенной пѣснѣ мысль о безотвѣтности и безчувствіи внѣшней природы. Этому заключенію въ самихъ плачахъ предпоставляется твердая вѣра въ возможность возврата, основанная на томъ болѣе древнемъ воззрѣніи, по которому умереть значитъ лишь *переставиться*, т. е. перемѣститься, измѣниться (см. Mikl. Lex. прѣставитисѧ; ср. „не нами установлено (т. е. обычай) не нами и переставится“ т. е. измѣнится (Даль, Посл. 311).

Съ этой точки значеніе плача какъ облегченія души—лишь второстепенное, а въ своей исключительности лишь позднѣйшее; главное же въ томъ, чтобы „*воскликать*“ мертваго, „*звать*“ его, „*будить*“ (ср. между проч. Лит. П. Форт. и Мил. 122, 128, 130), „*просить*“ его вернуться;—въ обращеніи къ вѣтрамъ чтобы они раскрыли могилу (Барс. 28, 35, 55—6, 68, 70—1, 163), къ водамъ, чтобы размыли ее (ib. 68), къ ангеламъ, чтобы вложили въ мертваго душу (ib. 58, 68, 70—1, Рыбн. IV, 125), что можетъ находиться въ связи съ вѣрованьемъ въ двойника, какъ причину жизни и смерти (ср. мою ст. о Долѣ, въ Тр. М. Арх. Об. т. I, 171,

177 сл.) [15]). Около кликанья мертвыхъ издревле группируются въ причитаньяхъ другіе мотивы, отчасти болѣе живучіе, напр. куда ты ушолъ? зачѣмъ ты насъ оставилъ? неразсердился ли на насъ (Барс. 184, 192, къ чему примыкаетъ оправданіе передъ усопшимъ, напр. Барс. 90—2)? непожелалъ ли повидаться съ преждеусопшими (Караджь. Пјесм. I, 90)? передай имъ то и то (Кар. ib. 91; Медаковитј, Живот и обич. Црногор. 59—60; Барс. 197, съ чѣмъ ср. русск. и серб. разсказы объ обманщикѣ, приносящемъ вѣсти съ того свѣта и принимающемъ туда порученія и посылки); ты былъ такой-сякой (величанье покойника, напр. Барс. 106 и др., мотивъ, которымъ пользуются комическія пѣсни: „Ти-ж було селом идеш, ти-ж було въ дуду ревеш...); безъ тебя намъ тяжело (изображеніе участи вдовы, сиротъ, родныхъ, ихъ горя, pass.); прійди хоть въ гости (Барс. 19, 65, 218; къ обѣду 96, 101 и проч.; къ ночлегу ib. 308); откуда, и когда и подъ какимъ видомъ тебя ожидать? и многое другое въ высокой степени важное для исторіи вѣрованій и быта.

Вѣрованье въ практическую надобность плача лишь подтверждается другимъ, что плачь дѣтей при смерти родителей возвращаетъ (*завертає*) ихъ съ того свѣта *для муценія*, почему, чтобы они недолго мучились „при *конані*", запрещается дѣтямъ сильно плакать, какъ потому же не слѣдуетъ жалѣть рѣжемой скотины или птицы (Шейковскій, Бытъ Подолянъ 2, 8). Здѣсь, впрочемъ, сказывается уже *ослабленіе* вѣры въ возможность воротить умершаго: если нельзя его воротить *совсѣмъ и надолго*, то нѣзачѣмъ и тревожить понапрасну. Въ самомъ запрещеніи есть неясность, объясняемая, быть можетъ, нерѣшительностью теоретическаго основанія: „синові тяжко, як мати по ёму тужить, а матері весело лежать, як діти плачуть по ій" (Зап. о Южн. Рус. II, 43). [16]) Догадка, что наемъ постороннихъ плакальщицъ

---

[15]) О такомъ назначеніи причитаній—въ ненапечатанномъ соч. студ. Любарскаго «О причитаньяхъ» (по поводу сб. Барсова).

[16]) По Болг. пѣснѣ (Милад. 266) плачъ матери по сыну,

вытекаетъ изъ стремленія примирить это запрещеніе (какъ явленіе относительно новое?) съ тѣмъ что обычай требовалъ плача (Котлярев. О погреб. обр. 215), мало вѣроятна. Наёмъ или приглашеніе и здѣсь предполагаетъ, во-первыхъ, образованіе класса умѣлыхъ лицъ (ср. пѣвцовъ—слѣпцовъ, знахарей), во-вторыхъ признаніе важности обряда, желаніе родныхъ исполнить его какъ можно лучше, при неумѣньи самихъ сдѣлать это. Для сѣвера есть прямыя указанія, что причитать обязаны именно ближайшіе родственники; племянница говоритъ:

„Какъ народъ да того люди сдивовалися,
„Обо мнѣ баютъ спорядныи сусѣдушки:
„Што тоскуе по желанномъ она дядюшкѣ?
„Кажись въ живности божоныи родители?
„Недивуйте того добры многи людушки:
„То не дядюшко вѣдь былъ, да второй батюшко,
Барс. 217.

Сказанное здѣсь о причитаньяхъ клонилось къ слѣдующему: съ вышеупомянутыми приступами къ пѣснямъ и заговорамъ вполнѣ аналогичны въ причитаньяхъ переходы ко главнымъ ихъ мотивамъ, въ частности—изображенія того, какъ плакальщица дошла до „воскликанья“. [17] Здѣсь я думаю, врядъ ли кто усмотритъ совѣты знахаря.

Я путемъ иду широкоей дороженькой,
Не ручей да бѣжитъ быстра эта риченька,
Это я бѣдна слезами обливаюся;
И не горькая осина разстонулася,
Это зла моя кручина расходилася.
Тутъ зайду да я, горюшица побѣдная,
По дорожкѣ на искатъ-гору высокую,
Край пути да на могилушку умершую,
Припаду да я ко матушкѣ сырой землѣ
Я ко этой, побѣдна, къ муравой травѣ,
Восликать стану, горюша, умильнешенько...

впрочемъ, какъ видно изъ самой пѣсни, обычный, *грѣшитъ* мертвую душу и причиняетъ то, что ее изгоняютъ изъ рая.

[17]) Ненапечатанное соч. студ. Конорова «о причитаньяхъ».

Затѣмъ самое восkликанье, или, если угодно заклинанье, весьма отличное и, какъ извѣстно, отличаемое отъ заговора:

Ой развѣйся, буря-падара!
Разнеси ты пѣски жолтыи! и проч.

(Барс. 35; ср. 19, ст. 14—8 по отношенію къ ст. 19—21; 58, ст. 1—18 по отношенію къ 19 сл.; 70, ст. 1—14 по отношенію къ 15 сл.; 74—5, ст. 1—14 по отношенію къ 15 сл.; 88—9, ст. 1—41 по отношенію къ къ 42 сл. и др.). Обстоятельность нѣкоторыхъ изъ этихъ вступленій совершенно въ духѣ Вр. пѣсни, которая очень любитъ изображенія второстепенныхъ обстоятельствъ, уже невозможныя въ сжатой Мр. пѣснѣ. Ср. напр. у Барс. 199—200 на тему „весною“ „спамятуешь братца. натоскуешься“ болѣе 40 стиховъ: станешь собираться на гульбище, наберешь воды, умоешься, утрешься, возьмешь ключи и т. д. одѣнешься и тутъ вспомнишь, что у тебя нѣтъ „повозничка“. Подобный мотивъ въ Мр. свадебной пѣснѣ—въ 8-ми стихахъ о 12—13 слогахъ (у Метл. 153-4—16 полустишій).

5. Пѣсня XVI в., давшая поводъ къ настоящимъ замѣткамъ, по началу (ст. 1—8) такъ сходна со слѣдующею, что единство происхожденія начала той и другой кажется несомнѣннымъ:

Ой ты нашъ батюшка, тихой Донъ!
Ой что же ты, тихой Донъ, мутнехонекъ течешь?
—Ахъ какъ мнѣ, тиху Дону, не мутному течи?
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьютъ,
Посередъ меня, тиха Дона, бѣла рыбица мутитъ,
По верхъ меня, Дона, три роты прошли:
Ай первая рота шла, то Донскіе казаки,
Другая рота шла, то знамена пронесли,
А третья рота шла, то дѣвица съ молодцомъ.
Молодецъ красну дѣвицу уговариваетъ:
„Неплачь, неплачь, дѣвица, неплачь красная моя!
„Что выдамъ тебя дѣвица, я за вѣрнаго слугу:
„Слугѣ будешь ладушка, мнѣ—миленькой дружокъ;
„Подъ слугу будешь постелю слать, со мной вмѣстѣ спать“.

Что возгоритъ дѣвица удалому молодцу:
„Кому буду ладушка, тому—миленькой дружокъ:
„Подъ слугу буду постелю слать, съ слугой
вмѣстѣ спать“.
Вынимаетъ молодецъ саблю острую свою,
Срубилъ красной дѣвицѣ буйну голову
И бросилъ онъ ее въ Донъ во быструю рѣку.
(Сахар. Сказ. Р. Н. III, 237).

Въ этой пѣснѣ мутное теченіе рѣки, обычный символъ смуты, печали, [18]) болѣе оправдывается главнымъ содержаніемъ (ст. 10 сл.), чѣмъ въ Мр. о Стефанѣ, развѣ считать въ послѣдней достаточною причиною „смутнаго“ теченія Дуная то, что на верху его—три роты, въ томъ числѣ Турки и Татары. Въ Вр. пѣснѣ „*по верхъ* Дона“ понятно, такъ какъ передъ тѣмъ—о днѣ и рединѣ его; въ Мр. „*на версі* Дунаю“ въ томъ значеніи, которое выше въ *поверх*, немотивировано; въ значеніи na břehu, которое приписываетъ этому Благославъ или Никодимъ, *на версі* могло бы стоять, такъ какъ берегъ носитъ обычный эпитетъ *крутого*, и на оборотъ *гора* значитъ также берегъ и материкъ, а *верх*—гора, однако *верхъ* въ значеніи берега мнѣ невстрѣчалось. О значеніи „вершина, истокъ рѣки“ здѣсь врядъ ли можно думать. Въ Мр. пѣснѣ ст. 3—8 кажутся болѣе исправными, несмотря на то что размѣръ ст. 3—5 испорченъ, чѣмъ соотвѣтственные стихи 7—9 Вр. пѣсни, по буквальному смыслу коей выходитъ, что третій отрядъ составляла дѣ-

---

[18]) Ср. въ Сл. о Пол. Иг. «Се вѣтри .. земля тутнеть, *рѣкы мутно текуть*, пороси поля покрываютъ . ; *Половци идуть* отъ Дона.. » Относительно *пороси*, ср Мр.

Порох, *порох* по дорозі,
Туман поле покриває,
Мати сина прогоняє...

Такъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ читать вм. сомнительнаго «*торох*... по дорозі» которое некстати заставляетъ думать о торохтѣньи порожнихъ возовъ.

вица съ молодцомъ. Слово *рота*, [19]), а равно и свойства языка Мр. пѣсни, время и мѣсто, когда она записана, могли бы заставить думать скорѣе о движеніи разсматриваемаго начала съ запада на востокъ, чѣмъ на оборотъ.

Однако основныя черты этого начала кажутся несравненно болѣе древними, чѣмъ заимствованіе, что въ Мр. п. XVI в. (на версі Дунаю... шаблями шермуют... стрилками стриляют... дивонька плачетъ) видится мнѣ въ началѣ плача Ярославны: „копія поють на Дунаи; Ярославнинъ гласъ слышить“...., съ чѣмъ ср. радостное: „Дѣвици поють на Дунаи, вьються голоси чрезъ море до Кыева; Игорь ѣдеть по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощей“. Въ слѣдующей Бр. пѣснѣ вм. рота стоитъ туземное *полкъ*:

Въ чистомъ поли не дымъ, не вада,
Горы, далины и сыра земля,
А на далинахъ чатыри палка:
(У)въ адномъ палку шабли зіяюць, [20])
А въ другомъ палку галовки лѣтаюць,
Въ трейцемъ палку *ацецъ туживъ*.

Эти стихи кажутся мнѣ подлинными; слѣдующіе 12 испорчены и быть можетъ окажутся поддѣльными, какъ и нѣкоторыя другія пѣсни въ томъ же Сборникѣ. Сб. пам. нар. творч. Свз. кр. 42.

Это и подобныя начала могутъ быть опредѣлены такъ: указаніе мѣстности дѣйствительной (см. выше подъ 2) или идеальной разростается такъ, что почти или вполнѣ сравнивается по объему съ главнымъ содержаніемъ, даже перерастаетъ его; широкая рама сама становится картиною, причемъ и объемлющая даль и объемлемое собраны въ три, рѣже—четыре дѣленія.

Доріжка, доріжка, та широка,
Та широка і далека!

---

[19]) Сибир. свадебная: На лугѣ, лугѣ Стояли три роты, Три роты военны. Посередь роты ходитъ Господинъ нашъ полковникъ... Гуляев. Этн. Оч. Юж. Сиб. 14.

[20]) Sic, т. е. сіяютъ. Таже форма съ *з* у Шейна. Бр. п. 294.

Як на тій доріжці да жовтиі пісочки,
А на тих пісочкахъ стоять три садочки:
Що в первому садочку соловейки свищуть,
Що в другому садочку зозуленька кує,
А в третёму садочку мати з сином стояла,
Мати з сином стояла, мати сина питала:
„Ой сину мій, сину, хто-ж тобі вірнійший:
„Чи жінка, чи теща, чи мати рідная?

Отвѣтъ сына (6 стиховъ) и есть цѣль пѣсни (Метл. 242). Характеръ третьяго (материнская и сыновняя любовь) какъ бы прообразуется первымъ и вторымъ (соловей и кукушка). Ср. Шейнъ Бр. п. № 554.

Oj Цетињо, водо поносита!
Ти се синотј *) криво кунијаше,
Да на тебе нидје брода нема,
А ја јутрос и подоцне подјох,
И на тебе до три брода надјох:
На једноме китјени сватови,
На другоме момак и дјевојка,
А на третјем братац и сестрица.
Сеја брату зарукавље везе,
Братац сеји мор-доламу шије;
Сеја брату тихо говораше:
„Удри, браца, пуце низ њедарца,
„Да неможе ни јабука протји,
„А камо ли тудјег брата рука“.
Братац сеји тихо одговара:
„Сејо моја, ти си јоште луда:
„Кад ту додје тудјег брата рука,
„Сама тје се пуца распињати“

(Кар. Пјес. I, 316; ср. относительно тройственности ib. № 462).

---

*) Здѣсь и далѣе вездѣ вм. Серб. ђ, ћ, по недостатку шрифта, ставится дј, тј. Прим. Ред.

Взаимная родственная любовь разговаривающихъ гармонируетъ съ тѣмъ, что и на двухъ другихъ бродахъ (или ладьяхъ? См. Кар. Рјечн) пара любовниковъ и сваты.

Въ слѣдующей изящной веснянкѣ—какъ бы четыре попарно противополаемые связанные между собою медальона: съ одной стороны весна и лѣто, съ другой разлука и бракъ съ нелюбомъ, все изображенное въ своихъ начальныхъ моментахъ:

Розлилися води
На чотырі броди:
У першому броді
Соловейко щебетав,
Зелени сади розвивав; [21])
У другому броді
Зозулька кована,

---

[21]) Одинъ изъ множества случаевъ cum hoc, ergo propter hoc, какъ и повѣрье, что жаворонокъ приноситъ весну (для ускоренія чего къ 9 марта, дню 40 мучен., пекутъ изъ тѣста жаворонковъ); что птицы, прилетающія весною, отмыкаютъ ирей (О миѳ. зн. нѣкот. обр. 100; Аѳ. П. В. III, 689—90); что (Литов.) весна приходитъ, когда трясогузка сожжетъ кудель, т. е., когда перестаютъ прясть по вечерамъ (jau uždègs kèle kodelį, вотъ прійдетъ весна, Ness. Wb. kèle). Ср. «мале соловъя сади розвиває», Метл. 361. Такимъ образомъ отъ соловья зависитъ разсвѣтъ:

Ой без малого соловейка і *світ несвітае*,
А без мого миленького *гуляння немає*.
Якъ вилетить соловейко, то й *світа раніше*,
А як вийде мій миленькой,—*гулять веселіше*
Метл. 5—6.

Какъ безъ соловья нѣтъ пѣнья птицъ (потому что остальныя противъ него—ничто), такъ безъ милаго нѣтъ радости:

Нема въ саду соловейка, нема й щебетання;
Нема мого миленького, небуде й гуляння.
Ой як в саду соловейки, щебече раненько;
Як мій милий біля мене, гулять веселенько,
Метл 38—9.

Літечко казала; [22])
У третёму броді
Коничок заржав:

Соловей будитъ:
«Нещебечіт, соловейки, рано на зорі,
Та незбудит миленького в коноріְ»...
Сваты спугнули соловья;
Растужилась, расплакалась красная дѣвица:
«Кто на мѣсто соловья въ саду?»
Спроговорилъ удалый молодецъ:
«Я у тебя соловей во саду,
«Я у тебя молодой въ зеленомъ,
«Я тебя стану споутру рано будить».
(Перм. Сб. I, 489).

Поэтому «Соловей *Буди-мировичъ*» значитъ собственно сынъ соловья.

Соловей—утѣшитель. Онъ утѣшаетъ перепелку «що рано з вирію вилетіла» (Метл. 211; Славитј тје ти попјевати те те веселит', Кар. Пјес. I, 82; ср. ib. 482). Однако есть горе, которое только усиливается отъ противоположности съ пѣньемъ соловья:

Соловейко рабенькій,
Нещебечи въ елинѣ,
Незадавай жалю мнѣ,
Бо я въ чужой сторонѣ (Сб. пр. н. тв. въ
Ой ти соловей, рання пташечко!
Ти нещебечи рано на зорі,
Да необтруси раннёі роси;
Нехай обтрусить моя матюнка
До мене йдучи, одвідуючи,
Моего життя розпитуючи (Метл 245—6),

т. е. не ты меня утѣшишь, а только мать своимъ посѣщеніемъ.

И такъ *веселая* пѣсня соловья (Сл. о П. «Соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають», хотя «уныло соловьино жупляньице, Барс. Прич. 126) связана съразсвѣтомъ, весною, гуляньемъ, любовью.

[22]) Несмотря на обычное общеславянское и литовское сближеніе кукованья и плача—горя, кукушка здѣсь, какъ вѣстница лѣта, образъ развѣ свѣтлой грусти. Ср. слова обращенныя къ далекому милому:

Він дороженьку почув; [23])
А в четвертім броді
Тамъ дівчина плаче
За нелюба ідучи,
Своє лихо чуючи (ср. Ž. P. I, 44).

Такъ сказать, сила пѣсни падаетъ на четвертый образъ. Ср. Шейна Бр. п. № 584.

6. Не самъ пѣвецъ видитъ поле, море, „всі краі", а птица съ высоты полета или съ высокаго сѣдалища. Эта широкая сцена нерѣдко, какъ и выше (5), представляетъ тройственное дѣленіе.

Щедровка.

Ой вірле, вірле, сивий соколе!
Щедрий святий вечір божий!
Високо сідиш, *далеко видиш.*
Сідай собі на сивім морі:
На сивім морі корабель на воді,
В тім кораблейку троє (троі?) воротци;
В перших воротейках місячок світит,
В других воротейках сонейко сходит,
В третіх воротейках сам Господь ходит...

Онъ отпираетъ рай и впускаетъ души, кромѣ одной, неуважавшей старшихъ родныхъ. Заключеніе „бувай же здоровъ пане Василейку" и пр. показываетъ, что цѣль пѣсни есть косвенная похвала хозяину и его дому, въ коемъ такой души нѣтъ (Голов. Пѣс. II, 156). Въ Зап. о Ю. Р.

Нехай тобі *зозуленька*, мені соловейко;
Нехай тобі там *тихенько*, мені веселенько,
Нехай тобі зозуленька для куваньнячка,
Нехай мені соловейко для щебетанннячка, Метл. 40.

[23]) Почуялъ дорогу—разлуку. Ср.
Ой кінь ірже—трава въяне:
Він дороженьку чує, Метл. 18,
т. е. такъ ржетъ, что отъ жалю—жару вянетъ трава. Волосъ тоже трава, а потому «може він таку пісню знає (т. е. такую печальную), що як би заспівав, то й волос би завъяв», Зап. о Ю. Р. I, 146.

II, 242 тотъ же мотивъ (Матерь Божія беретъ у сына ключи, чтобы отомкнуть рай и пекло и выпустить грѣшныя души, кромѣ той

Що отця й матір та налаяла,
Не налаяла, а подумала), но безъ введенія.

Колядка паннѣ.

А в ліску, ліску, на жовтім піску
Ой дай Боже!
Росте деревце тонко, високо.
Тонко, високо, в корінь глубоко,
В корінь глубоко, листомъ широко;
На тім деревці гуси-лебеді,
Ой сидят, сидят, *далеко видят.*
Ой видят же в'ни чистоє поле,
Чистоє поле, синєє море:
На синім морі корабель пливе,
А в томъ кораблі кречна панночка.

Она хвалится завидному жениху, поповичу, большою роднею и большимъ приданымъ (партъ), которое за нею ему дадутъ (Голов. Пѣс. II, 89).

Над річкою, над бистрою
Там журавка купалася,
На бережку сушилася [24]),
На всі краі дивилася:

---

[24]) На берегу, т. е. на крутомъ, высокомъ, откуда далеко видно. *Сушилася* символически риѳмуется съ *дивилася.* Это начало уже приготовляетъ слушателя къ печальному содержанію пѣсни, ибо *сухота*—печаль, а *сушиться—журиться*:

На морю вутка купалася,
На биражочку сушилася;
Я-ж маладзенька журилася (стужилася),
Шейнъ Бр. п. №№ 174, 237—9.

Самое слово *журавка* напоминаетъ *журіння*, *журбу*. Когда весною кто увидитъ впервые ключь *журавлей* и скажетъ «ось журавлі!» то будетъ весь годъ *журиться*; а если ска-

Що йдуть ляхи на три шляхи [25]),
По переду отаман йде,
В лівій руці коня веде,
А у правій шаблю держе;
На тій шаблі сердце стремить,
З того сердця річка тече,
Над річкою ворон *кряче*, [26])
А по сину мати *плаче*.
—Неплач, мамо, нежурися;
Уже твій сын оженився,
Поняв собі паняночку—
В чистім полі земляночку
І без дверець, і без віконець:
Нікуди вітру провівати,
Ясному сонцю проглядати. Метл. 447.

Ср. въ Русал. Днѣстр. 17, съ началомъ другаго типа (выше, 4):

Ой вийду я на могилу,
Подивлюся у долину,
Долів, долів, долинами
Іідутъ Турки с Татарами;
Меже ними віз кований,
А в тім возі Михай лежит
Порубаний, постріляний.
Капле кровця у кирницю,
З кирниченьки річка тече,
А над річкоў ворон краче;
Михаєва мати плаче.
—Неплач, мати, нежурися:
Не дуже *мя* порубано,
Не дуже *мя* постріляно:

жетъ «ось летять веселики», то весь годъ пройдетъ ему благополучно и весело (Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskigo. Warsz. 1853, 172).

[25]) Ср. выше три роты.

[26]) Символъ печали и переходъ къ главному содержанію.

Головонька на четверо,
А серденько на шестеро,
А рученьки на штученьки,
А ніжечки на гешечки,
Біле тило—як мак міло!

Зажуритця соколонько:
„Бідна-ж моя головонько,
„Що я рано з виръя вийшов:
„Що по горах сніги лежять,
„По долинах води стоять,
(а между тѣмъ „чуда великога!“)
„По підгіръю маки цвітуть.
(Это)
„Битим шляхом козаки йдуть„.

Затѣмъ мотивъ съ частью начала другой извѣстной пѣсни „Гомін, гомін по діброві“:

Туманъ поле покриває,
Мати сына підмовляє:
„Вернись, синку, до домоньку...

Въ третьемъ варіянтѣ подобный мотивъ вставленъ въ широкую рамку не пространства, а времени. Пѣвецъ отъ личныхъ своихъ воспоминаній черезъ связующій символъ печали (туманъ) переходитъ къ пѣснѣ объ отцѣ прогоняющемъ сына, матери удерживающей сына, сестрахъ снаряжающихъ брата въ походъ и напрасно ожидающихъ его возврата:

Ой колись була роскіш-воля,
А тепepенька неволенька.
Ой болить сердце й головонька,
Що чужа-дальня сторононька.
Ой туман поле покриває,
Й а батько сина проганяє....
(Укр. пісні, Спб. 1863, 41).

Птица на лету слышитъ то, что составляетъ содержаніе пѣсни:

Воркуй, воркуй, голубчикъ,
Воркуй, сизенькой!
Дворомъ летитъ воркуетъ,
Шатромъ летитъ слушаетъ,
А кто въ шатрѣ говоритъ.

(Смыслъ разговора—любовь брата и сестры между собой и родителей къ нимъ. Терещ. Б. Р. Н. IV, 6).

Серб. Соко' лети високо,
Крила носи широко,
На десно се окрену,
Граду врата угледа,
Ал' на врата дјевојка...

(ея красота и что ей сказалъ молодецъ, Кар. Пјес. I, 412).

О јаворе, зелени јаворе!
Лепо л' ти се са тебе видјаше,
Кад Бетјир-бег девојку водјаше...

(Девери убили жениха и „облюбили" невѣсту), ib. 583; ср. ib. 74, № 125.

Лепо ти је родио јаблане [27])
Све бисером и драгим каменом,
Али га је соко окрунио, [28])
Долетјутји јутром и вечером,
Долетјутји, у гору гледетји,
Гди два брата итар ловак лове...

---

[27]) Пирамидальный тополь.

[28]) Обломалъ, оббилъ. Ср. Мр. колядки, гдѣ райскіе птицы обтрушиваютъ съ дерева золотую рясу.

[Одному при раздѣлѣ добычи—серна, другому золотокосая дѣвица, Кар. Пjес. I, 309. Весьма древній мотивъ: женихъ—ловец, „хитар лов"—невѣста. Ср. Мр. колядку (величанье) о ловахъ и дѣлежѣ двухъ братьевъ:

Ой тобі, брате, куна в дереві;
А мені брате, дівка в теремі].

Нѣсколько отличны отъ вышеприведенныхъ начала, въ родѣ того, что звѣзда денница видитъ то, что составляетъ содержаніе пѣсни. Кар. Пjес. II, 626, съ чѣмъ относительно начала ср. Рыбн. II, 245.

Еще далѣе—начала тоже изъ далека, гдѣ содержаніе вложено въ уста животныхъ (коней: Кар. I, 430-1; туры и турица видятъ „плачь стѣны городовой, Рыбн, I, 177; II, 39—40, 352) и неодушевленныхъ (на пр. росы, Кар. I, 489).

7. Уже въ иныхъ началахъ съ птичьяго полета и т. п. можно замѣтить не столько разбѣгъ мысли въ ширь, какъ такой пріемъ, что мысль, остановившись на чемъ либо одномъ, внутри его находитъ все новое и новое, пока не дойдетъ до главнаго, или, если нѣтъ главнаго, то до какого либо конца. Это—какъ бы „einschachtelung" [29]) или, скорѣе, движеніе по спирали къ центру. Такъ въ Литов. пѣс.: „Летитъ ястребъ черезъ озеро, а въ томъ озерѣ крутится виръ; у того вира рутяный садочокъ; въ томъ садочкѣ плачетъ дѣвица (о своемъ сиротствѣ, но солнце ей мать, мѣсяцъ отецъ и проч. что похоже на величанье дѣвицы) Ness. L. Volksl. 58—9. Ср. Юшкевичъ, Лит. нар. п. № 1, въ XII т. З. И. А. Н. [30])

---

[29]) Ср. извѣстный сказочный мотивъ: «На островѣ на буянѣ есть дубъ, подъ тѣмъ дубомъ зарытъ сундукъ желѣзной, въ томъ сундукѣ коробка, въ коробкѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо, въ томъ яйцѣ змѣева смерть.

[30]) Впрочемъ, въ Лит. пѣсняхъ, несмотря на сходство съ Русск. въ расположеніи содержанія и въ символикѣ, подобныя начала издалека, кажется, рѣдки.

А в чистім полі, близько дороги
Стоіт грушечка підмурована;
З тоі грушечки впала росиця,
Впала росиця на муравицю,
А з муравиці стала кирниця,
А в ті кирниці Господь ся купле

Купаясь, заспорилъ со св. Петромъ, что больше: земля, или небо. Рѣшеніе этого вопроса и есть видимая цѣль пѣсни. Голов. Пѣс. Ц, 32—3.

Ой зашуміла зелен-діброва.
„Ой чо-ж ти шумиш, ой чо-ж ти звіниш?“
—Ой шумью, шумью, бо в собі чую,
Бо в собі чую дивноє звіря,
Дивноє звіря, тура-оленя,
Шо на головці девять ріжечків,
А на десятім терем збудован,
А в тім теремі кречна панночка,
В'на собі ходит, усе шенкує... и проч.

(Голов. ib. 54; Русал. Днѣстр. 37; Żeg. Paul. I, 165).

Многія пѣсни, частью, какъ вышеприведенная, сохранившія значеніе величаній, частью уже необращаемыя ни къ кому въ частности, построены въ такомъ же широкомъ стилѣ. Похвала человѣку состоитъ въ томъ, что онъ отождествляется съ богами (respect. сравнивается съ ними, при чемъ, конечно, возможны различныя степени ясности божественнаго характера предметовъ, съ коими сравнивается человѣкъ: мѣсяцъ—хозяинъ, солнце—хозяйка, звѣзды ихъ дѣти), принимаетъ ихъ у себя какъ гостей, находится съ ними въ родствѣ (въ Мр.; въ Серб. напр. Кар. Пјес. I, 154—5), приводится въ какую либо связь съ міровыми явленіями и силами, напр. когда говорится, что міровое дерево ему корысть, или, какъ въ настоящемъ случаѣ, небесное (солнце—олень, см. мое соч. О миѳ. зн. нѣкр. обр. 35—9; Аѳ. Поэт. В. I, 638—9) является подножіемъ его терема или города. Приведенная l. c. у меня и у Аѳ. Серб. пѣсня тоже родъ апоѳеозы молодца и дѣвицы:

Што се сија крај горе зелене?
Да л'је сунце, да л'је мјесечина?
Ни т'је сунце, ни т'је мјесечина,
Ветј два златна рога од јелена,
У њима су два града градјена:
У једном је кујунджија Іанко,
У другоме Іања хитропреља...

Они задаютъ другъ другу трудныя задачи и на этой ихъ хитрости—мудрости имъ честь и хвала.

Врядъ ли дорого купленныя или вынужденныя похвалы, достававшіяся могущественнымъ владыкамъ земли, могли быть художественнѣе этихъ даровыхъ, или, какъ мр. колядки и щедровки и т. п., оплачиваемыхъ „грудочкою кашки, кільцем ковбаски“.

Јабука се вјетру моли,
Да јој гране необломи:
„Да мој вјетре, неломи ме,
„Неломи ме, некрши ме!
„Ја сам теби род родила:
„Сваку грану дв'је јабуке,
„А на врху [31]) и четири.
На врх соко' гн'јездо вије,
На корјен ми [32]) змаје сједи,
Змај соколу иоручује:
„Ако пуштих жива огња,
Гн'јездо тју ту попалити
„Титје тју ти пофатати“.
Соко' змају одговора:
„Мој' су титји полетари;

---

[31]) Это слово даетъ поводъ пѣвцу лично отъ себя, а не отъ лица яблони, перейти къ тому, что на вершинѣ, что у корня.

[32]) *Ми* относится къ пѣвцу (dat. eth.) и не служитъ доказательствомъ, что это рѣчь яблони, какъ у Караджича.

„Брзо тје ми полетјети
„Пут онога славна мјеста,
„Добре гласе однијети,
„*Да смо сви здраво и весело*“.
(Кар. Пѣс. I, 488).

„Можно бы подумать, замѣчаетъ Караджичь, что пѣвецъ *прибавилъ* послѣдніе три стиха „друштва ради“, т. е. что они также несущественны, какъ напр. въ заключеніи мр. думъ прибавки „на многа літа“, „всім послухáющим“, „сёму домодержавцю“. Мнѣ, напротивъ, кажется, что вся пѣсня, сходная съ мр. колядками о райскомъ деревѣ, относится къ разряду величаній и вся направлена къ послѣднему стиху: птенцы того славнаго сокола, который вьетъ гнѣздо на вершинѣ мірового дерева (Сканд. Yggdrasil, Аѳ. Поэт. В. II, 280) приносятъ намъ „добре гласе“. Ср.

....долетјеше сиви соколи,
Донијеше доматјину киту маслине:
Честито ти, доматјине, у двор веселје,
Кар. ib. 10.

Пребываніе у мірового дерева или на немъ имѣетъ смыслъ безопасности и благополучія. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующей Болг. пѣснѣ.

Будинская Яна такъ хороша, что изъ за нее весь Будинъ бьется; её посватали два царя, а третій хочетъ похитить. Яна бѣжитъ отъ него въ лѣсъ,

Найде дре'о кипаро'о:
Во корен-от змех му лежит
На върво'и славей пеит.
Ми се скрила Будин-Яна
Зме'о-тому под крила-та.

Царь посылаетъ за нею пословъ. Тѣ вырубили весь лѣсъ, кромѣ того дерева, подъ которымъ скрылась Яна, и ненашли ее. Милад. № 167.

Изникнало едно дърво,
Едно дърво дафиново
Колку вишно, толку лично; [33])

---

33) Прекрасное.

Корен-от му по 'съ (вся) земя,
Гранки-те му—слано море,
Вършен-от му въ сино небе,
На вършен-от ми си има
Вишни сарай [34]) варакліи, [35])
Покрива му гивгирліа, [36])
Скала-та [37]) му бѣлъ карагрошъ,
Пармадзи-те [38]) ялдезліи. [39])
Тамо седе Мавро-Яни...
Съ негова-та първа любов
Първа любов Ангелина,
Съ балдаза [40]) му Магделина;
Піатъ, ядатъ, аинк чинат [41]).

Это благополучіе уничтожается приходомъ Турокъ. Мавро-Яни съ семействомъ успѣваетъ бѣжать. ib. № 177. [Неясна мнѣ ib. № 165. По видимому это величаніе мальчику].

Тотъ же смыслъ благополучія имѣетъ пребываніе подъ міровымъ яворомъ въ слѣдующей Бр. свадебной пѣснѣ.

Хто там в нас въ церами цихо гаворицъ?
—Систра брата навучаицъ:
„Паѣдзиш ты, брахалька, жаницися...
„Нястаняви коника подъ рабинай:
„Рабина—дзерива нящасливая:
„З-подъ камля рабину вадой мыицъ,
„Пасирод рабины черви точуцъ,
„А з макушки рабины (у?) птицы клююцъ.
„Станави коничка подъ ягорой:

---

[34]) Дворецъ.
[35]) Золотистый.
[36]) Сводчатый?
[37]) Лѣстница.
[38]) Перила.
[39]) Золотыя, позолоченыя.
[40]) Своячиница.
[41]) Веселятся.

„Ягора [42])—дзерива *щасливая:*
„З-под камля ягора сытой мыиць,
„Пасирод ягора пчолки бруюць, [43])
„А з (на?) макушки салавьи пяюць.
Шейнъ Бр. п. 472-3 и 480-1.

Въ волочобной пѣснѣ (на свѣтлый праздникъ) честь и хвала дѣвицѣ, что у нея кубокъ и перстень изъ золотой ря́сы мирового дерева:

В чистом полѣ стаяла бироза,
Стаяла бироза тонка—высока, .
Да на той бирозѣ широка лисцця,
А на том лисцци дробная роса (раса?).
Хтож тую росу обивацъ будзе?
Подбирала росу красная панна,
Красная панна, молода Ганна.
Яна падбирала, в рукавец клала,
Да з рукавца брала, злотничкам давала.
„Ты злотничку, ты работничку!
„Ты скуй же мнѣ три надобнички (надобочки?)

и проч. ib 101, съ чѣмъ ср. Галицкія и Польскія колядки паннѣ о золотой рясѣ, которую оббиваютъ райскія птицы и которая паннѣ на пользу, напр. Рус. Днѣстр. 41—2; Ž. P. I, 8 и въ Сборн. Я. Ѳ. Головацкаго.

Въ волочобныхъ же пѣсняхъ молодца величаютъ тѣмъ, что онъ ѣдетъ на охоту, видитъ сокола (орла)—на яворѣ („яворъ“, „древцо тонко-высоко, Тонко-высоко, лисцем широко), хочетъ его застрѣлить каленой (ошиб. 109 „*каменной*“ (!) стрѣлой), а соколъ обѣщаетъ въ пригодѣ стать, перенести его съ невѣстой черезъ быструю рѣку, широкое море (Шейнъ, Бр. п. 102-3, 108-10).

---

[42]) Варіянтъ—ягор*о*. Быть можетъ это остатокъ конечнаго глухого звука, подавшій поводъ къ нереходу этого слова въ женскій родъ.

[43]) Быстро летаютъ, рояться? у Даля «вода бруитъ», сильно стремится, струится русломъ.

8. Въ заключеніе—нѣсколько словъ о многостропотномъ Словѣ о полку Игоревѣ.

„Начяти же ся той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню“. Если подъ *былина* понимать здѣсь не эпическую пѣсню (Безсон. въ 7 в. Пѣс. Кир. 76 и другіе), а совершившееся событіе (Дубен.; „по былинамъ“=„по исторической, положительной колеѣ фактовъ“ Бусл. Оч. I, 395); то мысль такова: хотя о походѣ Игоревѣ и прилично было бы („не лѣполи“=лѣпо) говорить „старыми словесы“, но эта „пѣснь“ (далѣе „повѣсть“) будетъ придерживаться событій, будетъ болѣе исторична чѣмъ „старыя словеса и замышленіе Бояново“. Разница между этимъ замышленіемъ и пріемами, которыхъ предполагаетъ держаться авторъ, видится въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, „Слово“ есть повѣсть *о* полку Игоревѣ, о событіи, а не о личности; между тѣмъ Боянъ (въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его пр. Буслаевъ, а не кн. Вяземскій) творилъ пѣсни именно князьямъ („аще *кому* хотяше пѣснь творити“...), въ томъ смыслѣ, мнѣ кажется, въ какомъ теперь въ колядкахъ славятся хозяева. Въ Сл. о полку Игоревѣ славленье играетъ дѣйствительно второстепенную роль:

„Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а по тъмь молодымъ пѣти: Слава... здрави князи и дружина“...

Во-вторыхъ, авторъ Слова ненамѣренъ слѣдовать болѣе частнымъ пріемамъ Бояна: Его „слово“ не есть пѣснь, сопровождаемая рокотаньемъ струнъ, а „повѣсть“: Въ *началѣ* пѣсни („аще кому *хотяшеть* пѣснь *творити*“) Боянъ „растѣкашеться мыслью“ и проч., а авторъ Слова этого нехочетъ или неможетъ дѣлать.

Что такое „растѣканіе“, объ этомъ найболѣе убѣдительное до сихъ поръ мнѣніе—въ Оч. Бусл. I, 394—5: „ничего лучшаго нельзя найти въ нашей народной поэзіи для объясненія этого вдохновеннаго полета фантазіи Бояна, какъ извѣстная прелюдія, которою Русскіе пѣвцы до позднѣйшихъ временъ начинаютъ свои пѣсни:

Высота ли, высота поднебесная;
Глубота, глубота—окіянъ море;

Широко раздолье,—по всей землѣ;
Глубоки омуты,—днѣпровскіе;

Точно такъ же, какъ авторъ „Слова“ говорилъ о Боянѣ, такъ и теперь можно сказать о народныхъ пѣвцахъ, что они, замышляя повѣсть о Владимірѣ..., или о Соловьѣ Будиміровичѣ, пускаются волкомъ по земдѣ, взлетаютъ сизымъ орломъ подъ облаки“.

Мнѣ кажется, я непротиворѣчу существенному въ этой мысли, измѣняя или только перифразируя ее такимъ образомъ. Прелюдія „высота-ли“ къ былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ (Кир. IV 99, изъ Кирши Дан.) собственно говоритъ: „если ужъ высота, такъ высота поднебесная“ и т. д. Хотя она и не чета тѣмъ похожимъ на пародіи географическимъ и этнографическимъ обозрѣніямъ, между прочимъ мокрыхъ подоловъ, которые сведены г. Безсоновымъ (Рыбн. II, XXIX слѣд.), но она дѣйствительно имѣетъ съ ними то общее, что изображаетъ не конкретный случай паренія мысли, а схему многихъ пареній. Если такъ, то, мнѣ кажется, народная пѣсенность даетъ для сравненія многое лучшее, чѣмъ упомянутая прелюдія.

Выраженія Слова о П. И. о Боянѣ: „растѣкашеться мыслію по древу“, „скача, славію, по мыслену древу“ (т. е. по воображаемому, фантастическому дереву, переходя мыслью отъ его корня до вершины) могутъ быть намекомъ именно на тѣ случаи, когда въ величаньяхъ изображалось міровое древо, между прочимъ и съ поющимъ соловьемъ на вершинѣ, соловьемъ, котораго авторъ „Слова“ примѣнилъ къ самому пѣснотворцу. Подобная догадка высказана А. Майковымъ (Стихотв. III 230), который однако читаетъ „мысью“ вм. „мыслію“ и неимѣетъ въ виду значенія миѳологическаго дерева въ величаньяхъ.

Выраженіе „летая орломъ подъ облакы“ безъ всякой миѳологичности, но съ тѣмъ же примѣненіемъ къ пѣвцу, который самъ паритъ тамъ, гдѣ его мысль, можетъ относиться къ пѣсеннымъ началамъ съ ширянья и буянья.

Наконецъ „рища въ трону трояню“, если миновать неудачную поправку г. Тихонравова (вм. Трояню—Бояню) и вытекающую изъ нея интерпункцію, и если, какъ это и

дѣлаютъ (Дуб., Бусл.) „рища“ относить къ Бояну, можетъ указывать, кто бы ни былъ Троянъ, на пѣсенныя начала, изображающія дальнюю тропу, въ родѣ „Доріжка, доріжка та широка... (см. выше), или въ родѣ тѣхъ запѣвокъ, въ коихъ мысль слѣдитъ за рѣкой отъ ея истока „из-подъ той березы сподъ накляпины“ до моря (Рыбн. IV, 56, Кир. 3, 1; Рыбн. III, 69).

IV. Главное содержаніе пѣсни о Стефанѣ (ст. 9—23) совершенно отлично отъ сходной по началу вр. пѣсни (Сах. III, 237, см. выше). Кажется, что эта послѣдняя имѣетъ предметомъ событіе дѣйствительное отъ начала до конца: дѣвица нехочетъ быть холопской женой и барской полюбовницей, и за то убита. Ср. Шейнъ Р. н. п. I 340-5. Въ Мр. пѣснѣ къ области мало-идеализованной дѣйствительности относится желаніе дѣвицы выяснить свои отношенія къ Волошскому воеводѣ Стефану, его колебаніе между любовью и опасеніемъ неравнаго брака и конечное рѣшеніе.

„Неровня“ ср. со слѣдующею Бр. пѣснею, въ которой впрочемъ возбуждаетъ удивленіе упоминаніе Кіевскаго князя, которое что-то ужъ очень архаично:

За горою, за крутою,
Туды ѣхав Кіевски князь.
Тамъ гуляюць три танóчки, [44])
Три таночки, всё дзѣвочки.
„Богъ поможи тремъ таночкамъ,
„Тремъ таночкамъ, всё дзѣвочкамъ,
„Всё дзѣвочкамъ мѣщаночкамъ!“
*Об*мовилася (?) сляночка:
„На здоровье, Кіевски князь!“
—Взяў бы цябе, няровна мнѣ.
—Въ майго бацьки палѣпши грубы топюць,
Грубы топюць, воду носюць.

Шейнъ Бр. п. 72, № 131.

---

[44]) Хороводы.

Что же до употребленнаго дѣвицей героическаго средства вызвать это рѣшеніе, то оно принадлежитъ къ области традиціоннаго поэтическаго символизма и болѣе древне, чѣмъ приуроченное къ нему событіе. Ср.

....Дав же він (козак) ми кониченька тримати,
А сам пішов дороженькі шукати.
Тримаю коня до темноі ночи,
Виплакала я моі чорні очи.
Ой що коник тупне, то мі серце пукне,
Але я ся бою козака молодого.
Коник най тупче, найдутся на то ліки;
Козак (і)зрадит—не слава на віки.
Ой пущу коня в пустоє поле,
Сама я скочу въ глубокє море.
Я молодая въ мору потопаю,
І(а?) все на козака оком ся згледаю [45])
Ой пришов козак коника піймити:
„Даj же ми (mу), Боже, дівчину зловити!
„Ой же бим тя зловив (ї), міг бим тя стискати,
„Допіро-м навчив (ї) до море скакати....
(Ž. Pauli, P. L. R. II, 20).

Впрочемъ здѣсь символизмъ еще не такъ ясенъ, какъ въ свадебной пѣснѣ:

У неділю рано
Море сі розіграло;
Дівчина потопала,
Свого вітца жидала: [46])
„Татуненьку мій любий!
„Недай ми утонути,
„З тим Дунаём [47]) поплинути“.

Отецъ несмѣетъ, неумѣетъ плавать; тоже и мать; милый смѣетъ и спасаетъ (Ž. P. I, 108; подобная у Метл.

---

[45]) Тонуть по мр. символикѣ значитъ вообще гибнуть, слѣдовательно: «я гибну, но все нетеряю на него надежды».

[46]) Бажала.

[47]) Идеальная обстанавка. Обычное сочетаніе «Дунай—море плисти»; «По над морем—Дунаем»... и проч.

128—9). Паули сравниваетъ эту пѣсню со слѣдующею Сербскою:

Ој шумица трньана
И водица ладјана,
По њој плови девојка,
Та неплови да тоне,
Ветје плови да види,
Отје л' мајка жалити.
Мајка иде на броде
Пак се баца каменом:
„Тони, тони, дјаволе;
„Ни си моја ни била.

Тоже повторяется объ отцѣ и братѣ; за тѣмъ

....Плови до види
Отје л' драги жалити.
Драги трчи на броде
Па он гаца у воду;
„Оди к мени душице!
„Ти си моја и била. Кар. I, 204.

Это одинъ изъ многихъ способовъ изображенія мысли, что „милый лучше отца, матери и всего рода". (См. напр. у Кар. I, №№ 285—300).

Испытаніе такимъ способомъ того, кто больше любитъ и кому сужено, весьма похоже на гаданье. Оно и въ самомъ дѣлѣ является гаданьемъ о замужествѣ посредствомъ пускаемаго на воду вѣнка, символа дѣвицы: „Хто вінок пóйме, Той мене вóзьме" (Метл. 19, 332; Рус. Днѣстр. 36—7; у Сахар. Ск. Р. н. III, 210 вѣнокъ тонетъ - милый тужитъ; ср. ib. 260, 2). Скоч ть въ Дунай—выйти замужъ:

Паслала мяне маци
На дунай вады браци.
Я вады нибрала,
Коло виру скакала;
У вир ускочила,
Вадой замуцила
И пяском закруцила.
Няжди мене, маци,

К абѣду з вадою,
К вячери з судами,
А жди мяне, маци,
На дзевятое лѣто,
На дзесятую зиму
А у лѣта в чавночку,
А у зиму в вазочку
З бѣленьким сыром,
З маленьким сыном,
З малодым зяцем,
З малым дзицяцем.

Шейнъ Бр. п. 119-20, № 169.

Переплыть Дунай (смотри прекрасную пѣсню у Шейна, Бр. п. 164, № 254, съ которою ср. сказку о младшемъ братѣ, что доскочилъ царевны, а также колядки о взятіи города и панны), спасти утопающую—такіе же символы брака, какъ и переводъ черезъ мостъ, переправа черезъ воду (рѣку, Дунай, море), переносъ черезъ воздушныя пространства, о чемъ въ моей статьѣ „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака". Древности, Арх. Вѣст. М. Арх. Об. 1868, Ноябрь и Декабрь.

15 Января, 1877.